

Восток и война (Дорошевич)

В Малой Азии и Константинополе

Это было 15-го февраля, в ясный, тёплый майский день, в Трабзоне.

Настал весёлый Курбан-байрам.

Мрачный малоазиатский город был теперь полон жизни, движенья, веселья.

На минаретах развивались красные флаги с бледным серпом луны. По улицам водили учёных медведей. С площадей неслись вопли: это «пели» курды и плясали свой варварский и воинственный танец с саблями. Вокруг старых кладбищ, осенённых огромными чёрными кипарисами, в полуразвалившихся колясках на ободранных клячах катались целые гаремы, закутанные в чёрное, — прямо, какие-то возы завернутого в чёрное женского мяса.

— Это турок? А это? Это? — спрашивал я у своего переводчика-грека.

Сидя на козлах, он без перерыва с любезнейшей и рабской, заискивающей улыбкой раскланивался направо и налево, поздравляя всех встречных и поперечных с праздником.

— Все турки. Христиане в такие дни сидят запершись.

— А вы?

Он поёжился.

— Есть хочется. Не такие дни Курбан-байрам, чтоб христианину ходить на улицу. Праздник!.. Особенно теперь, в такое время.

— Какое же такое особенное время?

— А так... Эта война...

Огромное кафе у моста, над обрывом глубокого, крутого оврага, перед развалинами старинной генуэзской крепости, было полно народу.

Курились кальяны и благоухало хорошим кофе.

Великолепные турецкие офицеры, раскрашенные медалями, орденами, аксельбантами, знатные курды в куртках, сплошь расшитых золотыми жгутами, в шароварах, шириною в Чёрное море, с целым арсеналом пистолетов, кинжалов, ятаганов за поясом и усами, как два ятагана.

Правоверные турки-староверы в чалмах и обьевропеившиеся в фесках, грязных крахмальных сорочках и засаленных пиджаках словно с чужого плеча.

Всё это гудело, как улей. Говорило негромко, по-восточному, солидно — но оживлённо.

Переводчик, так и кувыркавшийся с нежными улыбками направо и налево, поместился из приличия за соседним со мной столом.

Турист здесь редкость. Кто заглянет в эту трущобу?

Переводчика, очевидно, спросили:

— Кто это?

И кругом, по всей кофейной, пошёл шёпот:

— Москов... москов... москов...

Весь Восток держится на приличиях.

По мне скользнули взгляды всей кофейной, но так, мельком, словно случайно.

Восточное приличие требует смотреть на интересующий предмет равнодушным взглядом.

Но на этот раз во взглядах выразительных южных глаз я читал и любопытство, и как будто какую-то сдержанную насмешку, и оттенок пренебрежения, даже сожаления.

— Что это они спрашивают?

Переводчик улыбнулся своей вечно виноватой, заискивающей улыбкой:

— Они говорят... Они говорят...

— Ну?

— Они говорят, чтоб я спросил у вас: правда ли... правда ли, что японцы потопили у москотов 50 кораблей?

— Пятьдесят? Передайте им, что столько и кораблей-то нет в порт-артурской эскадре.

Пока я говорил, в кофейной царило гробовое молчание. Все уставились, на меня.

Когда переводчик сказал им мой ответ, по кофейной пошёл гул.

Ответ передавали. Многие любезно кланялись в благодарность за него. Но ответ никого не убедил. Я видел, что ему никто не верит.

Восточное приличие требует поклониться тому, с кем сказал хоть слово.

И я вышел из кофейной среди любезных поклонов. Но во взглядах на «москова» опять-таки читались и насмешка и пренебрежение.

— О чём они ещё там говорили? — спросил я переводчика, когда мы вышли.

Он совсем переконфузился.

— Так, разное... Что все говорят...

— Что именно?

— Да так, всё одно и то же... что все...

— Ну?

— Говорят, что теперь самое время... что турки возьмут назад у московов Батум.

Он испуганно поспешил меня успокоить:

— Только я этому не верю.

— А много говорят о войне?

— Кроме войны, ни о чём не говорят!

В Инеболи, Платане, в Самсуне, — везде, где я, пользуясь огромными стоянками австрийского парохода «Garnolia», сходил на берег, только и разговоров было, что о войне.

Не знаю, больше ли интересовались в Малой Азии войной 1877 года.

Больше, чем интересуются русско-японской войной, кажется, интересоваться нельзя.

Едва пароход становился на якорь, даже в волну, с берега, бултыхаясь, чуть не перевёртываясь, шли перегруженные турками баркасы.

— Желают осмотреть пароход!

Турки толпами ходили по пароходу, по восточному этикету для вида, будто бы, интересовались, — а затем один из них, переводчик, так словно вскользь, спрашивал у помощника капитана:

— Что нового слышно в Батуме о войне?

И на всех лицах было жадное любопытство: что, что говорит моряк на непонятном языке?

И везде одно и то же.

— Собираются брать обратно Батум? — спрашивал я у своих переводчиков, всё греков.

Они конфузились, мялись:

— Да... все говорят... Только... Только я этому не верю...

И всё упивалось слухами об «японских победах».

Только цифра погибших «московских кораблей» варьировалась.

Местами падала с пятидесяти до двадцати, местами вырастала до семидесяти пяти.

Слухи носились, ловились.

В Малой Азии нет газет. Газетам, которые получают из Константинополя, не верит ни одна душа.

Турция переживает период реакции.

Турецкая реакция! Можете себе представить, что это такое.

Всё пересмотрено.

Многие учебники, ещё полгода тому назад бывшие обязательными в школах, признаны вредными книгами, и самое хранение их воспрещено.

Всё, что было мало-мальски талантливое в турецкой литературе, бросило перо и пошло служить в «*dette publique*[1]», — благо там во главе стоят европейцы.

Европейцы из сожаления взяли турецких писателей на грошовые оклады и тем спасли их от голода.

Меня познакомили с турецким поэтом, служащим теперь конторщиком на табачной фабрике.

Это... лирический поэт. Но и лирические стихи считаются теперь в Турции опасными

Газеты, издающиеся в Константинополе, не говорят, а что-то пищат.

И вот результат: газетам не верит никто.

— Раз напечатано, — значит, неправда.

Вся Турция живёт и питается слухами, самыми чудовищными и нелепыми:

— Говорят, — значит, верно.

В Самсуне я познакомился с французами, стоящими во главе правительственной табачной фабрики. Она принадлежит «dette publique[1]», — этой «администрации по делам несостоятельной Турции».

— Каково настроение?

— Турки ни о чём другом не говорят, ничем не интересуются, кроме войны. Турецкие чиновники в Самсуне хотели выписать телеграммы «Гаваса». Это стоит очень дорого. Но они решили истратиться. В Константинополе нашли неудобным получение хотя бы и процenzурованных телеграмм. Ничего, кроме слухов. Читают константинопольские газеты. Там написано: «повреждено два броненосца». Турки говорят: «раз уж написано — повреждено два», — значит, надо читать: «потоплено двадцать». Иначе ничего бы не стали печатать!

— Собираются брать обратно Батум?

— Это всё!

В одном из городов я встретил знакомого левантинца из Одессы.

Судьба закинула его сюда года три тому назад.

Обрадовался, увидев русского, невероятно.

— Только с женой во всём городе и делимся между собой мыслями. С другими страшно слово сказать. Все за японцев. Все в восторге от японцев. Просто чёрт знает что. Чуть не целые русские флоты ежедневно гибнут. А сказать, что вздор, — нельзя. Скажут: «изменник!» Надо молчать. И говорить только с женой, по-русски, — никто не понимает.

— А Батум?

— Уж берут!

Так, вероятно, во Франции заговорили бы о Страсбурге, если бы Германия с кем-нибудь повела трудную войну.

Рана 1877—1878 гг. ещё очень свежа. И мечта о реванше живёт в турецком сердце, гордом и оскорблённом.

Но вот характерная черта.

Я спрашивал везде, где только мог:

— Что ж, они верят, что Япония разобьёт Россию?

И везде, ото всех получал один и тот же ответ:

— Никто. Все уверены, что Россия, в конце концов, «задавит» Японию.

Мне лично приходилось говорить со многими турками: и простонародьем, через переводчиков, и с людьми интеллигентными.

Все отвечают одно и то же.

— Россия вот...

И для наглядности растопыривает руки.

— Япония — вот...

И показывает чуть не полпальца.

— На что ж они надеются?

— На мужество японцев, на искусство, на их бешенство, отчаяние. Раздавив, в конце концов, Японию, «московы» так будут истощены войной, что не смогут сейчас же повести второй. Тогда и настанет «момент».

Через несколько дней я был в Константинополе и любовался церемонией селямлика.

С лицом Грозного возвращался султан из мечети Гамидие в гору, в Ильдиз-Киоск, в полуколяске, правя сам своими двумя «фаворитами», ослепительно белыми арабскими конями.

Толпа пашей, залитая золотом, увешанная орденами, разубранная лентами, вприпрыжку бежала за экипажем, и каждый протискивался, чтобы помочь любимым султанским лошадям везти в гору коляску, подтолкнуть.

Старички, хромые, с палками, с отчаянием пробирались сквозь толпу министров, генералов, принцев, евнухов в голубых расшитых мундирах,

белоснежных албанцев, боясь, что не удастся хоть пальцем дотронуться до коляски. Завтра пойдёт слух:

— Он опасен. Он не поддерживал коляски.

И вольнодумцу придётся дрожать за старую, часто исполосованную и продырявленную в боях, кожу.

Среди этой бежавшей бегом, залитой золотом и засыпанной почестями, толпы были заслуженные генералы, тонкие искусные дипломаты, — я думаю, что турецкие дипломаты самые искусные в целом мире, — иначе давно не было бы Турции.

Особенно интересны были паши с типичными немецкими и английскими лицами.

Каково было им давать этот спектакль собратьям-европейцам, с улыбкой смотревшим с террасы на фантастическое зрелище, от которого веяло старою, великолепною Азией.

Среди этой толпы, умеющей сломя голову бегать за идущими рысью арабскими любимцами-конями, — среди этой толпы, которой держится существование Турции, конечно, никто не думает ни о Батуме ни о «второй войне, которой не сможет выдержать обессиленная Россия».

Но...

Мне пришлось беседовать с одним членом дипломатического корпуса, — не русским.

— Оказала война какое-нибудь влияние на Турцию?

— Да. Несомненно, Турция стала медлительнее в ответах. Турция всегда и на всё отвечает «да» и затем ничего не исполняет. Это её политика. «Реформы? Да!» — «Жандармерию? Да!» — Что хотите! «Да!» И затем — больше ничего. Но раньше Турция отвечала «да» немедленно. Теперь она стала даже «да» затягивать. В этом и вся разница. Раньше Турция немедленно соглашалась на всё, что бы ей ни предлагали. Всё равно, постарается не исполнить. Чего же ей не соглашаться? Теперь она начала торговаться. «Нельзя ли это отменить? Этого не требовать?» Чувствуется, и чувствуется во всём, каждую минуту, что Турция отлично знает: «Россия занята. Теперь не до нас!» Это сказывается, повторяю, в ещё большей медлительности Турции. Но о войне, о реванше, о Батуме, о каком бы то ни было разрыве с Россией в Турции, кроме черни, никто, конечно не думает.

«Кроме черни»...

Дипломату, конечно, свойственно говорить с величайшим презрением:

— Чернь.

Дипломаты имеют дело исключительно с дипломатами, и всё, что вне этого заколдованного круга, считают не стоящим ни малейшего внимания.

История делается в кабинете. И делается из бумаги.

Дипломатия, это — вид самогипноза. Люди загипнотизировали себя, и им кажется, что история:

— Это наше личное дело. Мы это кончаем между собою.

Этим загипнотизировавшим себя людям кажется, что, кроме их визитов, рукопожатий, поклонов, разговоров, писем, всё остальное на свете не представляет никакого значения.

Всё, что вне их заколдованного круга, то:

— Чернь!

И об этом не стоит говорить, этим не стоит интересоваться.

И когда я слушал, как дипломат легко и «вольно» произносил «чернь», — мне вспомнился разговор с одним очень интеллигентным европейцем, живущим более 15 лет в Трабзонском вилайете и знающим отлично Малую Азию.

При брезгливом движении губ, с которым дипломат произносил «чернь» — мне вспомнилось задумчивое, тревожное и озабоченное лицо того европейца.

— Конечно, все эти народные толки не подвинут турецкого правительства на войну, но... У нас есть курды. Об них в Европе имеют неверное представление. В Европе больше знают их усы, чем их самих. Они пугают этими страшными усами мирных жителей, — но враги, военные враги никогда не видали ничего, кроме их спин. Слово «курд» в Малой Азии — слово ругательное. «Ты — курд!» — говорят, когда хотят оскорбить не только христиане, но и турки. Курд, это — предатель. Вы можете взять в телохранители совсем дикого арнаута и положиться на него. Но если вы возьмёте курда, он первый вас продаст или ограбит. Курды трусливы в бою. И в Малой Азии никто не сомневается, что в случае войны великолепный курдский полк «Гамидие» первым бежит с поля сражения. Но нет воинственнее народа, когда перед ними мирные жители. Они не боятся Константинополя самого по себе. Константинополь делал им слишком много авансов, желая привязать их к себе. Название их полка

«Гамидие», выписка их вождей в Константинополь, ласки им там. Но курды боятся, что на Константинополь может быть оказано давление, И тогда Константинополю придётся, нехотя, принять меры и сдерживать. И давление это может быть оказано, главным образом, Россией. Курдам нет дела ни до Батума ни до Карса. Для Батума, для Карса нужна война, а курды войны не любят. Но грабить они любят. Они давно уже не грабили райи и не тешились. Раздутые, преувеличенные восточной фантазией толки о русских затруднениях могут придать курдам храбрости: «Теперь России не до того, чтоб оказывать давление на Константинополь. А сам Константинополь, по своему почину, конечно, нам ничего не скажет». Вот почему я, европеец и христианин, чувствую себя в Малой Азии теперь не особенно хорошо. За себя я не боюсь. Я числюсь турецким чиновником. Но я боюсь, что мне придётся быть безмолвным и недвижимым свидетелем больших ужасов кругом. И снова испытать это ужаснейшее чувство: до боли сжав кулаки, молча и «спокойно» смотреть, как кругом льётся кровь несчастной христианской райи.

Это говорилось в феврале.

Кажется, опасения моего собеседника начинают сбываться.

И, быть может, если хорошенько разобраться, окажется, что в последних «победах» курдов над мирными армянами немалую роль сыграли наполняющие Малую Азию слухи и рассказы о необыкновенных, решительных успехах японцев и о величайших затруднениях, испытываемых Россией.

Как нельзя более понятно, что старые, исторические, да ещё побеждённые, враги России, турки, радуются её неудачам и всем сердцем, всей пылкой фантазией на стороне её противников, — но кто готовил мне сюрприз, так это Греция.

- Вид Константинополя.
- Улица в Галате.
- Рынок в Стамбуле.
- Вертящиеся дервиши.
- Женский весенний праздник.
- Дворец Долма-Бахче. Тронный зал.
- Сыновья султана.
- Ильдиз-киоск. Селямлик. Мечеть Гамидие.
- Мечеть Гамидие во время селямлика.

- «Фавориты» султана. Белые арабские кони, которыми он правит сам, возвращаясь с селямлика.
- Верховая лошадь султана.
- Евнух у дверей султанского гарема.

Греция и война

Не успел наш, будто бы, арабский, а на самом деле английский пароход «Измалия», пройдя среди вечно зелёных весёлых островов Эллады, бросить якорь в Пирее, — как борт осадили десятки греков с газетами, телеграммами, лубочными картинками.

— Победы японцев! Победы японцев!

На лубочных картинах лилась кровь, пылали гранаты, вздымались колоссальные водяные столбы, летали в воздухе мачты русских кораблей и с древками, изломанными в куски, падали в воду андреевские флаги.

В особенности — андреевские флаги. Эта деталь, обидная и злобная, на каждой картине.

Затем в Коломбо я купил у японского торговца японские лубочные картины.

Они оказались самой скромностью в сравнении с греческими.

Они по лубочному рисуют гибель русских броненосцев, преувеличивают их число. Рисуют гибнущими «Цесаревича», «Ретвизана». — Это в порядке вещей. Это — японские картины.

Но ни на одной из них нет такой, например, злобной детали, как сломанный андреевский флаг.

Даже японцы в своей понятной и естественной злобе не додумались до такой злобной выходки.

Вообще, если закрыть подписи и положить рисунки рядом, вы примете все греческие рисунки за японские.

— Конечно, японские! Каким ореолом окружены японцы.

Так можно быть больше японцем, чем сам японец.

Я купил афинские газеты.

Но так как в них пишут не Гомер и не Ксенофонт, то, конечно, ничего не понял.

Попросил перевести.

Мне приходилось потом читать английские колониальные газеты, полные невероятного злорадства, сингальские газеты на английском языке, захлёбывавшиеся от восторга по поводу «блестящих побед единоверного народа»:

— «Какой нравственной мощью наполняет народ наша религия!»

Мне переводили в Каире арабские газеты, дышавшие непримиримым фанатизмом к «старинным историческим врагам ислама, московам».

Но в них всё же не было ничего похожего на то, что печатали греческие газеты.

Там было «своё» освещение фактов.

Здесь были свои факты.

Даже переводившие мне греки в конфузе останавливались:

— Ну, это они врут, будто телеграмма. Сами сочинили. Такое известие находится в противоречии даже с рейтеровскими телеграммами.

Но продают то, что требуется.

И по эллинским газетам можно было судить, что в Греции требуются только победы японцев и поражения русских.

Это месть за 1897 год.

Зачем мы тогда не вступились, зачем не лили за греков кровь наших солдат.

Бедняга капитан!

Каждый раз, как среди греков, севших к нам на пароход в Пирее, заходила речь о войне, он начинал ёрзать на стуле.

Напрасно я успокаивал:

— Да пусть. Ведь я же не понимаю по-гречески.

А говорили и здесь, на пароходе, греки, левантинцы, турки, английские туристы, немецкие коммивояжёры только о войне, ни о чём, кроме войны.

Как ни воспитаны были греки, с которыми мне приходилось разговаривать, но удержаться от злорадства им было трудно.

Они пожимали плечами по поводу «собственных телеграмм» афинских газет:

— Что же! Тешатся! И публика тешится, читая! Пусть!

Но не могли удержаться от замечания:

— Однако, очень трудно приходится России!

И старались сделать при этом из приличия мину сочувствия, которая похожа была на маску, не влезающую на лицо.

Меня интересовало:

— Хорошо. Каков же, по вашему мнению, будет результат войны? Япония победит Россию?

И снова ото всех один и тот же ответ:

— О, нет.

И снова «Россия» в мажоре и «Япония» в миноре.

Может быть, мне, как русскому, они говорят так из любезности, из деликатности?

Я старался расспрашивать их окольным путём, через капитана, через помощников, через «нейтральных» представителей: немцев, англичан.

Те приносили мне один и тот же греческий ответ:

— В конце концов Россия, конечно, задавит Японию. Но чего это будет ей стоить!

И это «чего будет ей стоить», видимо доставляло им огромное удовольствие, тешило чувство мести, таящееся 7 лет.

А один грек на мой вопрос:

— Чем же, по вашему мнению, кончится война?

Ответил мне не без величественности:

— Япония будет раздавлена Россией, как Греция была раздавлена Турцией в 1897 году.

И остальные греки, присутствовавшие при разговоре, утвердительно кивнули головой и посмотрели на него с одобрением.

— Японцы сражаются, как греки!

Я не думаю, чтоб японцы были довольны сравнением. Но в устах грека, конечно, не может быть большей похвалы.

Египет и война

— Россия жадна, хитра и жестока! — таково мнение о России на Востоке.

«Россия», — это звучит для восточного человека как угроза.

«Россия», это — потеря самостоятельности. Это обращение покорённой страны в рабство. Это потеря того, что для фанатичного восточного человека дороже всего в жизни — религии:

— Русские всех обращают в христианство.

Они слушают с удивлением, что в России есть и мечети, и синагоги, и буддистские храмы, а в Баку даже и храм огнепоклонников.

Слушают, но не верят:

— Россия жадна.

Россия хочет себе взять весь Восток.

— Россия хитра.

Это уж по части нашей дипломатии.

— Это самая хитрая, самая тонкая, самая искусная дипломатия...

Это наша-то дипломатия!

Поистине, не знаешь, что воскликнуть:

— И Саул во пророцех!

Или:

— Несть пророка в своём отечестве!

— Россия жестока.

Несчастный феллах, словно оживший древней египетский барельеф, удивительно сохранивший древний тип и такой же дикий, такой же невежественный, каким он был во времена фараонов, живущий в глиняной мазанке, больше годной для собачьей конуры, собирающий два раза в год обильнейшие жатвы с тучных полей дельты Нила и, несмотря на это, остающийся всё тем же нищим, — пришёл бы в ужас, если бы ему сказать:

— Идут москеры!

Он «лишится всего».

Да ведь тысячелетия, с незапамятных, с доисторических времён у него ничего нет!

Он работает больше своего вола. Работает с утра и до ночи. Через его руки проходят целые богатства, — и у него не остаётся ничего. С него сдирают всё.

Он не живёт, — он только существует. Так что ни одна собака не позавидует его существованию.

Больше, чем с него берут, взять нельзя. У него ведь отнимают всё.

Чем же он рискует? Что он может потерять?

Но... «москеры» — это звучит для него слишком страшно.

Он не знает, что такое Россия, где это. Он знает только, что где-то живут какие-то страшные люди, которые называются «москерами».

Как его предки знали, что где-то на севере живут страшные люди, которые называются скифами.

И он знает об этих людях только одно:

— Они страшно жестоки.

Что вы подделаете! Есть такие установившиеся мнения!

На пароходе один австралиец, адвокат, с которым я очень подружился, по вечерам являлся в «smoking room[2]», в «панджаме», т. е. в одном нижнем белье, и требовал, по добромy англо-австралийскому обычаю:

— Стюарт! Большую виски, маленькую соду.

Т. е. около чайного стакана 50-градусной водки и с полстакана содовой воды.

Выпив, он требовал:

— Стюарт! Ещё одну.

И затем ещё.

— Это моё обыкновение. На ужин я беру три виски.

И вот, однажды, выпивши три чайных стакана водки как ни в чём не бывало, он заметил:

— Говорят, в России очень много пьют. Правда это?

И этот человек, хлопающий ежедневно на ночь по три стакана водки, глубочайше убеждён, что Россия — страна пьяниц.

В Севилье в первый день Пасхи я отправился на базар, где продают ягнят для детей.

Существует милое андалузское обыкновение: в пасхальное утро детей ведут на базар и покупают им выкрашенного в розовую краску барашка.

Базар был полон детского смеха, детских криков восторга и бараньих воплей.

Тут продавали барашков, выкрашенных в розовую краску, и тут же, рядом, резали и потрошили овец.

Всюду лилась и брызгала кровь.

Мамаши кричали:

— Не ходи туда! Испачкаешься в крови!

Куда не взглянешь, — мутные бараньи глаза, из которых «выкатывается свет». Последние содрогания.

Всюду груды тёплых ещё внутренностей, нарядные ребятишки шагали через лужи крови.

Вся эта бойня происходила при детях.

Оттуда я отправился гулять по улицам. Вывеска:

— Бой петухов.

Зашёл. Толпа. В середине «цирка» на маленькой возвышенной арене, за проволоочной высокой сеткой, обливающийся кровью петух, с глазом, болтающимся на ниточке нерва, продалбливал обнажённый череп другому побеждённому, издыхающему, тоже облитому кровью, превращённому в живое мясо, петуху.

На барьере стояли песочные часы.

— Через пять минут дрыгнет в последний раз. Пять песет пари!

Толпа не сводила глаз, играла.

— Три песеты, — дрыгнет сейчас левой ногой!

— Две песеты, — дрыгнет правым крылом!

После завтрака я был на бое быков.

Было сначала замучено и потом убито 6 «торо».

Было распорото брюхо у двадцати лошадей.

Убит на смерть тореадор.

Утащили с арены пятерых пикадоров, — кого с выпущенными кишками, кого с разбитой головой, кого со сломанной рукой.

Толпа вопила:

— Ещё лошадей!

И смотрела, как лошади, с какими-то не лошадиными, чисто человеческими, воплями, с выпущенными болтающимися под животом внутренностями, металась по арене.

Зрители аплодировали и кричали:

— Оле!

Когда бык настигал упавшую, ещё дёргающуюся лошадь, бодал её, топтал ногами, обнюхивал и, заметив ещё признаки жизни, поднимал на рога и подбрасывал.

Толпа вопила:

— Огня! — если бык был недостаточно разъярён.

И аплодировала, когда в него втыкали стрелы с зажжённым фейерверком.

Хохотала и кричала от восторга, когда бык, обезумевший от боли и ужаса, метался по арене среди каскадов огня и искр, которые его жгли, жарили заживо.

А после боя быков я обедал в компании очень милых и интеллигентных испанцев, — и один из них, расспрашивая меня о России, заметил:

— Русские ведь очень грубый народ — не правда ли? Они любят грубые удовольствия?

В Каире вам покажут мечеть, мраморный пол которой покрыт чёрными пятнами.

— Это пятна крови. Это кровь мамлюков. Мрамор пропитался ею.

Вожди мамлюков были созваны сюда и изменнически избиты, — кроме одного, который вырвался из мечети, вскочил на коня и на коне кинулся со стены вниз, с высоты пятидесяти сажень. Тела лежали грудками. И кровью, которая сочилась из этих груд, пропитался даже мрамор, и навеки остались чёрные пятна, словно чёрные пятна человеческой низости, измены и жестокости.

Особенно страшно огромное чёрное пятно около ниши, обращённой по направлению Мекки. Здесь, у этого алтаря магометанского храма, была изрублена особенно большая груда вождей.

И на этом страшном месте, если вы спросите у араба-муллы:

— Что такое московы? Он будет говорить о жестокости москотов, которых никогда не видал.

Арабы видели английские усмирения. Ещё так недавно. Ещё несколько лет тому по ним прошёлся сам лорд Китченер.

Самое имя его, легендарное по ужасу и жестокости, ещё возбуждает трепет в арабах.

Это были усмирения!!!

И Египет, в этом-то отношении выдавший то, чего не видывал никто, всё-таки твердит и уверен:

— Москоты жестоки!

Полудикий бедуин, сегодня поднимающий туриста на пирамиды, потому что это безопаснее и выгоднее, а вчера ещё, быть может, грабивший в пустыне, — человек, способный зарезать за шиллинг, говорит вам с испугом, если вы скажете ему, что вы русский:

— Москоты очень жестокий народ.

Такова легенда, которой не выбьешь ничем.

Жадная, хитрая и жестокая, — главное, жестокая, — Россия, это — кошмар, который висит над Востоком.

И, конечно, не наши западные друзья, постаравшиеся и создать эту легенду среди населения Востока, — будут её опровергать.

В Каире мне доставляло огромное удовольствие слушать переводы статей арабских газет.

После сухих, серых статей наших европейских газет, написанных не на русском, не на французском, английском, немецком, итальянском, испанском, а на каком-то «общегазетном языке», так что поймёшь по знакомым общепринятым словам даже на языке, которого не знаешь, — арабские газеты после них, это — прогулка по лугу после городских улиц с асфальтовыми мостовыми. Прогулка по лугу, покрытому цветами.

В них кипит арабская кровь. В них играет фантазия народа, создавшего сказки тысячи и одной ночи. В них нет этих пут, оговорок; «хотя», с «другой стороны», «но», — в них слепой, прямолинейный фанатизм. От них дышит Кораном, который прочёл фанатик. Минутами вы чувствуете, что у автора, когда он писал, носился в голове призрак священной войны. От бешеного стиля этих статей, от шири их фантазии веет старой арабской кровью «завоевателей мира».

А какие цветы вышивает Шахеразада по канве:

— Русско-японская война.

Для них Россия, это — «злейший, вековой, исторический, главный враг Ислама».

Россия для них — это страна, которая несёт стяг христианства против священного знамени пророка.

Это враг Турции и султана-калифа, наместника пророка. Страна, которая вела бесконечные войны с Турцией, — следовательно, с исламом. Страна, которая ведёт войны с исламом в Средней Азии.

И вот... Я цитирую дословно:

— На Дальнем Востоке магометанские принцы восстали и ведут теперь войну с врагом ислама.

Почему японцы оказались «магометанскими принцами» это — «арабская тайна». Одним только арабам известно!

Впрочем, во всех магометанских газетах и Индии и Египта весьма упорно печатаются статьи:

— Япония такая умная, такая просвещённая страна, что ни буддизм, ни язычество больше не могут удовлетворить этого народа. Японцы за последнее

время очень заинтересованы магометанством. Магометанская проповедь делает там очень большие успехи и нравится народу. Близкое присоединение этого умного и просвещённого народа к исламу несомненно.

Кто создал, кто пропагандирует эту легенду среди магометанского Востока? Японцы ли, для возбуждения к себе симпатий магометанского мира, друзья ли англичане, чтобы восстановить магометанский Восток против России, — или просто-напросто легенду создала пылкая магометанская фантазия, — судить не берусь.

Но легенда существует, и среди магометан Востока распространяется усиленно[3].

Эта война, — в освещении арабских газет, — «только часть общего, главного плана России», — завоевания всего Востока.

— Россия хочет завоевать Японию.

Вернее — «хотела».

Потому что читатель арабских газет уже в конце февраля, в начале марта был уверен, что «для России всё кончено».

Русский флот был уже арабскими газетами истреблён окончательно. Сухопутная армия погибла в глубоких снегах Маньчжурии от страшных морозов и снежных бурь.

«Главный оплот России — Порт-Артур», брался японцами каждые два дня.

Араб-читатель, читая эту великолепную эпопею непрерывных японских побед, вероятно, полагал:

— По-русски крепость называется, очевидно, Порт-Артур. Порт-Артуров у них, должно быть, много, но молодцы японцы отбирают по три Порт-Артура в неделю. Этак никаких Порт-Артуров не хватит!

Арабские газеты призывали весь магометанский мир воспользоваться моментом и, «кто чем может», — англичане прямой проповеди «священной войны» не допустили бы, — идти на помощь «магометанским принцам Японии», борющимся в Маньчжурии с «главным врагом ислама», «белыми варварами», — и «не дать раздавить Японии».

«Раздавить Японию». Это уже звучит странно!

И флоты потоплены, и армия замёрзла, и все Порт-Артуры взяты, — и всё-таки боязнь, что без посторонней помощи Япония будет раздавлена «белыми варварами».

— Ну, по части борьбы-то магометанского мира с белыми варварами... вы тоже ведь белого цвета! — заметил я как-то в разговоре о настроении арабов одному англичанину.

— Ну, здесь-то они не шелохнутся!

Он показал на знаменитую цитадель Каира, которая стоит перед городом, как стоит взвод солдат перед человеком, привязанным к столбу, ожидая только команды:

— Пли!

— А что они там думают о русско-японской войне, — это их дело.

Возбуждение симпатий к России на Востоке, конечно, не входит в число особых забот англичан.

Чтение «европейских» газет в Египте не доставляло мне такого удовольствия, как чтение арабских.

Каир — курорт.

И газеты в нём курортные.

Их главные сообщения:

— Вчера у герцогини такой-то блестящий приём. Замечены такие-то...

— Графиня такая-то принимает завтра от 4 до 6.

— Не можем с сожалением не отметить отъезда мистера такого-то, симпатичного владельца крупной фирмы по выделке свиной грудинки в Чикаго. Его отъезд, так же, как таковой же двух его очаровательных дочерей, сильно огорчит всё высшее общество, среди которого мистер имел только друзей.

Эти газеты издаются, по большей части, на французском языке, но чувствуют себя в гостях у англичан.

Поэтому они бывают, как гоголевский городничий, именинники и на Антона и на Онуфрия.

Говорят «мы», говоря о французских делах.

Но говорят также:

— Наш мудрый бывший министр колоний Чемберлен...

Их политические рассуждения, это — большей частью комплименты Англии.

Они больше выражают упование:

— Его величество король Эдуард VII напишет письмо...

И всё кончится.

Как газетам «в гостях у Англии», им кажется неловким говорить в профит России. Но как газетам, всё-таки, хоть по языку, французским, неудобно уж очень ругать Россию.

Поэтому они ограничиваются остротами, которые хозяин дома, англичанин, мог бы прочесть с улыбкой:

— Японцам не надо стараться. Русские сами перетопят свой флот собственными минами.

— Судя по тому, как хорошо действуют русские мины против своих судов, надо ожидать, что на суше русская артиллерия будет стрелять, обратив дуло против русских войск.

Остроумие полное «ласковой искательности». Но оно вполне отвечает настроению и интеллигентных и номинально правящих египетских сфер.

И хорошо это настроение, злорадное и искательное, отражает.

- Молитва в пустыне.
- Арабы на молитве.
- Арабский университет в Каире (в мечети).
- Арабская школа.
- У входа в мечеть (в Каире).
- Уличный писец (Каир).
- «Гарем».
- Лавка на каирском базаре.
- Отправление священного ковра из Каира в Мекку.

Порт-Саид

Порт-Саид оказался на нашей стороне.

Порт-Саид — это не город, а место жительства. Временного и как можно менее продолжительного.

Узенькая полоска земли. С одной стороны море, с другой — колоссальное болото.

Сверху жжёт египетское солнце. От болота дышит миазмами, лихорадками.

Только человеческая жадность может заставить жить на таком мерзком клочке.

Населён жуликами.

Всё, что есть худшего в Европе, Азии, Африке, назначило себе здесь rendez-vous[4].

В этот приезд в одном из магазинов я встретил знакомого русского, ехавшего с экспедицией в Абиссинию искать золота для Менелика.

Я счёл долгом предупредить соотечественника:

— Вы смотрите в оба, что завёртывают. Подменят. Ведь это всё жулики.

Порт-саидцы говорят на всех языках, — на русском в том числе. И соотечественник взглянул на меня с ужасом: как это так людям говорить в глаза такие кислые слова.

Но «люди» только добродушно улыбнулись:

— Ведь надо же нажать, господин!

Люди знают себе цену, а потому и не обижаются.

И вот этот Порт-Саид оказался самым решительным образом на нашей стороне.

Объяснение простое: Порт-Саид страшно зол на англичан.

А единственный способ выразить свою ненависть к англичанам — быть за Россию.

Порт-Саид стал неузнаваем.

Порт-Саид всегда был городом вольного поведения.

На открытых галереях, по-восточному окружающих дома, стояли не очень одетые женщины, — по большей части несчастные одесские еврейки, — и на всех языках вопили прохожим:

— Капитан! Танцы!

В витринах книжных магазинов были выставлены неприличные книги.

Открыто?

Не только открыто, но ещё с надписями:

— Запрещённое. Неприличное.

В лавочках продавали бесстыжие фотографии наравне с видами Египта.

Перед человеком, зашедшим купить виды Суэцкого канала, клали целую стопу неприличных фотографий:

— Выбирайте! Все делают здесь свои запасы!

Торговля развратом и порнографией давала Порт-Саиду большой доход.

Это был самый ходкий товар.

Игорные дома при кафе-шантанах были открыты днём и ночью. Когда угодно.

Вход был свободный. Никто не стеснялся. Шулерничали во всю.

Перед игорными домами стояли и зазывали:

— Капитан! Капитан! Монте-Карло!

Было развратно, безобразно, весело, откровенно и доходно.

И вдруг английский консул «вчинил борьбу». Начал следить, доносить, оказывать давление на египетскую полицию.

— Что он здесь, губернатор, что ли? — вопит Порт-Саид. — Почему так командует?

Порт-Саид стал неузнаваем.

То, о чём кричали на улицах, говорят шёпотом.

— Кончились счастливые времена Порт-Саида! — вздыхает Порт-Саид. — Ах, то были времена! Были времена!

Избави Боже подумать, что в Порт-Саиде ничего «прежнего» нет. Всё осталось.

Но нужно прятаться.

Книжные торговцы должны держать «интересный» товар дома и носить его к покупателям под полой.

— Сейчас штраф!

Торговцы фотографиями должны ставить караульного, пока покупатель выбирает себе коллекцию.

— Закроют!

Женщины должны тратиться и нанимать мальчишек, которые на всех перекрёстках шёпотом предлагают на всех языках:

— Красивые мадамы!

И даже, когда я захотел снова посмотреть игорный зал, где наголодавшихся по Европе, возвращающихся с Востока людей обыгрывают наверняка в мошенническую рулетку, — и это оказалось делом не совсем простым.

— Вам в кафе-шантан?

— Нет. Я играть.

Контролёр сделал испуганное лицо:

— Посидите!

Послал кого-то куда-то кому-то что-то сказать.

И началась «таинственность». Словно в масонскую ложу принимали.

Отворилась одна дверь, выглянула одна физиономия с нафабранными усами и чёрными бачками, посмотрела: не подозрительный ли человек?

— Это кто?

— Это директор.

Отворилась другая дверь, посмотрела какая-то физиономия с усами в стрелку и чёрными бачками.

— А это?

— Другой директор!

Третий директор с усиками и бачками сбежал откуда-то по лестнице сверху и оглядел. Четвёртые усы и бачки прибежали откуда-то по лестнице снизу.

— Тьфу! Да это же глупо: сидеть, и тебя осматривают.

— Невозможно, господин! Не те времена!

— Да ведь всюду в Египте, — в Каире игорные дома настужь. Самая свободная страна!

— А здесь английский консул. Вот где он у нас сидит!

И контролёр принялся ругать египетское правительство:

— Помилуйте, какое это правительство? Не умеет с достоинством держаться! Какому-то английскому консулу подчиняется. Что одной полиции платим!.. Пожалуйте!

Всё шло так же, как три года, как семь лет тому назад.

Стоило на номерах собраться порядочной цифре, — выходило «зеро».

Чёрный, красный цвет, чёт, нечет, «passe[5]», «manque[6]», — выходило в зависимости от того, на что больше поставлено.

Играли «на разум, а не на счастье».

Но у дверей стояли распорядители и сторожили.

Нравственность трудно ввести полицейскими мерами. Полицейские меры привели только к налогу на безнравственность. Египетская полиция берёт, сколько хочет. Но и она бессильна, если ей укажет английский консул:

— Закрыть. Оштрафовать.

— Вот она, английская-то оккупация! Египетского правительства совсем не существует!

Но на англичан в Порт-Саиде бешено злы не одни явные жулики.

Все торговцы вопят:

— Разорены!

Банкротства следуют за банкротствами. Порт-Саид то и дело под чумным карантинном.

Это продолжается вот уже три года.

Колоссальные австралийские пароходы, гиганты-немцы, огромные французы, с сотнями пассажиров, приходят в Порт-Саид, становятся на якорь, берут уголь и уходят, не спуская пассажиров на берег.

Весь Порт-Саид «дышит пароходами» и открывается с их приходом.

Пришёл пароход в пять часов утра, — все лавки открыты, игорные дома и прочая готовы к услугам в пять часов утра.

Каждый пароход оставит сотню, две, три «фунтов».

А теперь... «открывшемуся» Порт-Саиду приходится закрываться в виду гиганта с поднятыми трапами, с плавающей около карантинной лодкой.

А палубы-то, палубы черны от пассажиров.

— Да ведь чума! Что ж поделаешь? Чума.

Одно это слово приводит и оптовых, и розничных, и явно, и скрытно жульнических торговцев Порт-Саида в неистовство:

— Какая чума в Порт-Саиде? Каких-нибудь один-два случая, — и сейчас — «чума», карантин! Да у них в Индии-то, их проклятых индусов дохнет, — они пишут, — по 46 тысяч, по сто тысяч в неделю.

— Так из Бомбея десять дней хода. Законный срок чумного карантина.

— Из Бомбея? А в Адене чума есть? Англичане же везде из Индии чуму развозят. Есть в Адене чума?

— Беспреданно бывает. Ну?

— Из Адена до Порт-Саида четыре дня хода, из Порт-Саида до Бриндизи — два. Итого шесть. Где ж тут законный десятидневный срок? А в Бриндизи для пассажиров с английских пароходов никакого карантина нет. Может, он чумный, — за четыре дня до карантинного срока его выпускают: разноси, может быть, за раз. А из Порт-Саида затруднения! Попав в Порт-Саид, потом десять дней никуда носа нельзя показать.

Порт-Саид глубоко убеждён:

— Это англичане нарочно карантинами играют. Хотят всех нас разорить: греков, левантинцев, арабов-торговцев. Вся торговля в Порт-Саиде в английские руки чтоб перешла! Мы не выдержим, мы лопнем, и тогда уж не будет таких карантинных порядков! Англичане увидели хорошее место: будут со всех пароходов пенки снимать. Провизию пароходам, тропическую одежду пассажирам, восточные вещи возвращающимся в Европу, — всё будут англичане продавать. Мы чувствуем лучше, на собственной коже чувствуем, как англичане нас жуют. И скоро проглотят. Приезжайте в Порт-Саид года через три!

И если вы выразите сомнение, — они укажут вам на действительно бесспорный факт: число английских фирм в Порт-Саиде всё растёт, — они возникают на месте лопающихся греческих, левантинских, арабских.

Эта ненависть к англичанам переполнила сердца порт-саидцев симпатиями к нам.

На каждом шагу вы только и слышите:

— Что только англичане против русских делают! Нас вчуже зло берёт смотреть!

И повторяются рассказы об угольных притеснениях, об отказе в разрешении миноносцу войти в док для исправлений, о нечаянно, будто бы, севшем на мель английском пароходе поперёк канала, как раз тогда, когда надо было идти эскадре адмирала Вирениуса.

Создалась даже целая легенда:

— В конце концов, Максимов, — русский генеральный консул в Каире, — в конце концов, Максимов, он чело век энергичный, прямо явился к хедиву: «Позвольте узнать, кто же, наконец, хедивом в Египте: ваше высочество или английский консул в Порт-Саиде?» Ну, хедиву уж стало неловко. Переменил несколько политику!

Я беседовал с человеком очень почтенным, — одним из очень немногих порядочных людей, живущих в Порт-Саиде, местным старожилом, хорошо посвящённым во все эти дела.

Он развёл руками:

— Что ж поделаете? Конечно, всё это есть. Но что же можно сделать? Суэцкий канал обязан, в случае войны между двумя государствами, применять к судам обеих воюющих сторон одни и те же меры. Протестуйте против какой-нибудь меры, — администрация канала вам ответит: «Мы не для вас одних создали эту меру. Пусть явятся японцы, — мы к японцам применим те же правила.» Но у японцев нет судов в Средиземном море. Администрация ответит: «Нам-то какое до этого дело?» И получается положение: выдумываются всевозможные драконовские меры специально для русских судов, — и в виде оправдания: «Эти меры для обеих враждующих сторон». Меры-то, действительно, вырабатываются для обеих сторон. Но тяжесть их приходится нести только русским. На это и рассчитано.

В Порт-Саиде я бывал много раз, и у меня там много знакомых.

Всюду в знакомых лавках, куда я ни заходил, первым долгом меня встречали вопросами:

— А про японского шпиона знаете?

В Порт-Саиде и от порт-саидцев укрыться трудно. Город на ладони. Да и население же! Любому, самому японскому шпиону сколько угодно вперёд даст.

Зависит от платы.

— Какого японского шпиона?

Всюду и везде мне сообщали одни и те же самые подробные сведения.

Меня это заинтересовало, я проверил, и все сведения оказались совершенно точными.

Перед войной с пароходом из Гамбурга приехал в Порт-Саид японец, по фамилии Камахари, с лакеем, японцем же.

Жил два месяца и уезжает в Японию на французском пароходе, на котором должен идти и я.

— Заметьте время отъезда: эскадра адмирала Вирениуса только что окончательно ушла обратно в Средиземное море. До сих пор сидел. Дольше ему здесь делать нечего.

Жил сначала в отеле «Savoy», на берегу моря, потом перебрался в «Континенталь».

— Да, может быть, он жил здесь по своим делам?

— Никаких дел у него не было. Мы знаем: ни к нему из здешних никто не заходил ни он ни у одной фирмы не был.

Навёл справки в отелях: действительно, к японцу никогда никто не заходил. Сам он ходил гулять.

— Гулял по набережной, по улицам, а заходить — никуда не заходил! — объяснил швейцар. — Нас интересовало, что за японец. Мы смотрели. Наши комиссионеры тоже наблюдали: по каким таким делам японец? Ходил только на телеграф.

Телеграммы отправлял ежедневно.

И в Порт-Саиде всё известно:

— В Японию.

— Да вы почему знаете, что в Японию?

— Мы-то?!

Даже удивляются:

— Как же не узнать, куда человек телеграммы отправляет. И притом шифрованные!

— Ну, это-то уж откуда знаете?

— Телеграммы по-английски. А прочесть — выйдет бессмыслица. Значит, шифрованные.

— Да ведь телеграмма — тайна!

— В Порт-Саиде?

Выходило, действительно, очень похоже на то, что человек, приехав ещё до войны, следил за движением русских судов. А когда эскадра адмирала Вирениуса окончательно ушла обратно, уезжал со своего наблюдательного поста.

Самое проживание в Порт-Саиде в течение двух месяцев безо всякого дела говорило, что это не спроста.

Ведь не турист же! С основания Порт-Саида не было ещё случая, чтобы кто-нибудь в этой отвратительной трущобе просидел два месяца «для удовольствия». Хуже, что ли, города турист не нашёл!

И весь Порт-Саид только вздыхал:

— Эх, нет у русских здесь агентов. Много бы интересного узнавали!

— Да что?

— А всё. Пароходы, которые идут в Японию с углём, с другими военными припасами. Вы думаете, мы не знаем, кто с чем куда?

— Да откуда?

Это уж даже оскорбляло порт-саидцев.

— Да матросы-то шляются по городу, напиваются? В Порт-Саиде да чтоб чего-нибудь не знали?! Ах, господин! Да мы про любой пароход, — что у него

на дне самом в трюме лежит, — знаем! Уж следить за военной контрабандой, — так здесь, в Порт-Саиде, наблюдательный пункт устроить!

И я, действительно, думаю, что теперь, при всеобщем озлоблении Порт-Саида, эти всеведущие, пронырливые люди могли бы давать очень интересные и ценные сведения, — только потому, что это:

— Англичанам в пику!

Японцы, вероятно, не замедлили бы воспользоваться подобным настроением в свою пользу.

Встреча с героями «Варяга»

В Порт-Саиде с часа на час ждали «Малайи», с командой «Варяга» на борту.

И Порт-Саид волновался.

Ходили слухи. Готовились к большой баталии.

Французы хотели устроить овацию нашим морякам-героям.

Англичане решили устроить в таком случае контр-демонстрацию.

Надо оговориться. Какие англичане?

Я не принадлежу к числу любителей англичан. Много в их характере, в строе их жизни, в особенности в их отношении к побеждённым и в особенности в их политике — мне претит. Я не люблю англичан. Но я их знаю.

Я с ними сталкивался очень много.

И, конечно, не могу не уважать в них умных людей. Деловых и практичных.

Какой-нибудь тайный или явный шаг нам во вред, — да. Систематическое дискредитирование в печати, чтоб настроить общественное мнение против, — да. Но уличная «контр-демонстрация» — для англичан это было бы слишком непрактично, не деловито, не серьёзно, не умно.

И я присоединяюсь целиком к словам нашего консула в Порт-Саиде, г. Бронна:

— Какие англичане? Имеющееся здесь отребье англичан!

Тем не менее, событие, — демонстрация и контр-демонстрация, — готовилось. Кончилось бы, вероятно, свалкой между французами и тем английским отребьем, которое пошло бы на уличный скандал.

Но всё разрешилось иначе.

«Малайя» подошла под карантинным флагом.

В Порт-Саиде была чума, и чтоб потом не держать карантина в Одессе, никому нельзя было сойти на берег.

Это было ранним утром.

«Малайя» только что подошла. Наш пароход через 20 минут отходил.

Я воспользовался этим промежутком, взял шлюпку и отправился к борту «Малайи».

Отправился от себя и от имени нескольких русских, которые шли на том же французском пароходе, на котором шёл и я.

Но отправился только к борту.

Трапы «Малайи» были подняты, между моей шлюпкой и «Малайей» стояла шлюпка карантинной стражи.

Вдоль борта «Малайи» в жёлтых парусинных куртках, в соломенных шляпах, загорелые, стояли люди, которые вышли из огня, в который шли только ради чести русского имени.

— Нельзя ли попросить к борту кого-нибудь из гг. офицеров «Варяга»?

И у меня замерло сердце и слёзы сдавили горло, когда я услышал бравое морское:

— Есть!

Я люблю наш флот, потому что его знаю.

Я знаю трудности морского дела, знаю, сколько работают наши моряки.

Много раз и в разных морях я видел, как непрерывно готовились они к тому часу, когда своими жизнями придётся защищать тот флаг, который спускают и поднимают с почестями, пред которым вы, по морскому обычаю, должны снять шляпу, когда входите на военный корабль:

— Настанет час, когда за этот флаг будут отдавать жизни.

Я видел непрерывные приготовления к этому страшному часу.

И первые неудачи, — даже от пиратского нападения, — наполнили, не могли не наполнить сердца горьким чувством незаслуженной обиды. «За что?»

— Пиратское нападение... Но что будут говорить, что будут думать о наших моряках те люди, которые не видали, не знали их работы?

Подвиг «Варяга» был нужен. Был необходим, чтоб немедленно же покрыть русский флот той славой, которой он заслуживает.

Я читал перед этим подробности о подвиге «Варяга» во враждебных газетах, говоривших о «бесполезном деле, о бесполезном выходе двух русских судов против целой эскадры».

Если честь ничего не стоит, — тогда, конечно, подвиг бесполезен.

Теперь, когда так много спорят о войне, о подвиге, позвольте вспомнить одно слово Кони. Оно было сказано по какому-то делу о дуэли:

— Было бы совсем печально, если бы хоть иногда не находилось людей, которые бы ставили честь выше жизни.

И эти люди, которые шли на верную смерть, чтобы доказать честь русского человека, были теперь передо мной.

Такие же скромные и простые, как всегда.

Матросы с добродушными лицами с любопытством смотрели на русского, который вдруг встретился так далеко от России, на чужбине.

К борту первым вышел доктор и сообщил «по своему ведомству»:

— Раненые, слава Богу, все поправились!

За ним к борту подошёл старший офицер Степанов, и когда я сказал ему, что их подвиг вызвал восторг и благодарность всей России, — взволнованно переспросил меня:

— Да?

Согласитесь, трудно представить себе что-нибудь более прекрасное по скромности, чем это вопросительное:

— Да?

Я застал их в радостном волнении. На борт только что была передана телеграмма о том, что весь экипаж «Варяга» награждён Георгиями.

Эта новость, которую уж две недели знал весь мир, была неизвестна только тем, кого она касалась.

Они были в океане.

Степанов взволнованным голосом прокричал мне, — приходилось за дальностью расстояния перекрикиваться, — эту старую для меня новость.

Это была минута одного из самых сильных волнений, которые я испытывал в жизни.

Видеть героев, родных людей, спасённых от неминуемой гибели, и видеть их радостными, счастливыми.

— Вы второй русский, которого мы видим с тех пор. Передайте русской колонии в Коломбо от нашего имени сердечный привет и глубокую благодарность за ласку и привет, которые они нам оказали. Скажите им, что мы все здоровы.

Мне нелегко было говорить от душивших слёз.

Уж очень это было сильно: люди, жертвовавшие жизнью, благодарят за привет.

Да нелегко было, видимо, говорить и Степанову с русским человеком. Волнение глубокое слышалось в его голосе.

Мы крикнули друг другу:

— Счастливого плавания!

И, по доброму старому морскому обычаю, троекратное «ура» загремело в честь отъезжающего русского человека.

Туман пошёл перед глазами от слёз.

Это «ура» этих людей гремело в Чемульпо.

И моё слабое, единичное «ура» слышал, вероятно, только я, — потому что слёзы совсем сжали горло.

Японский шпион

Когда я вошёл на свой пароход, — первый человек, которого я встретил на палубе, был г. Камахара.

С биноклем через плечо, с видом беспечного туриста.

Оказалось в пути, что он говорит по-английски.

Французы уверяли, что он говорит великолепно по-французски и всё подслушивает.

«Японского шпиона» все избегали.

Мы, русские, шедшие на пароходе, интересовались:

— Понимает ли он по-русски?

И от нечего делать прибегли к мальчишеской шутке.

Вечером на корме, — кругом не было ни души, — подошли к японцу, стоявшему одиноко у борта.

Стали неподалёку и заговорили о разных разностях.

Японец стоял спокойно.

Тогда один из нас обыкновенным тоном, не повышая голоса, словно продолжая прежний разговор, сказал:

— А что, господа, если кинуть соседа...

Нарочно не говорилось «японца».

— Если кинуть соседа за борт. Ветер, когда-то ещё услышат крик да спустят лодку! Потонет, и никаких свидетелей.

Японец оглянулся на нас и быстро пошёл от борта к каютам.

После этого он, видимо, избегал встречи с русскими наедине. Поворачивался и шёл в людное место.

Наша «русская колония» на пароходе решила бесповоротно:

— Понимает.

Положение японца было ужасное.

Его избегали французы. Он избегал русских. Единственным обществом его были два испанских военных атташе, ехавших в японскую армию.

К итальянцам-инженерам, ехавшим управлять «Ниссимом» и «Кассугой», он почему-то не подходил, хотя они и говорили по-английски.

— Что за охота ему идти на французском пароходе, среди общего недоброжелательства? Почему не идёт на английском? — недоумевали все.

Но я получил уж на это ответ ранее, в Порт-Саиде.

— Заметьте, — говорили мне там, — что все японцы и все нужные для японцев люди ходят теперь исключительно на французских пароходах.

— Почему же?

— Очень просто. Пароход дружественной наций. Не остановят. Безопаснее.

Сингалы и японцы

— Форт.

Так, по-старому, грозно называется — теперь самая мирная часть города, торговый центр Коломбо.

Проезжая по форту на дженерикше, вы обратите внимание, под аркадами, на маленькую лавочку, около которой двенадцать часов, от восхода до заката солнца, от 6 утра и до 6 вечера, толпятся сингалы.

Около лавочки развешаны лубочные картины, на которых пылают бомбы, взвиваются выше мачт голубые столбы воды, режут тьму белые полосы света электрических прожекторов.

На пороге лавочки стоит маленький японец и без умолку трещит, — разъясняет толпе, приходящим, уходящим, содержание картин.

— Вот победа, одержанная японцами тогда-то... Вот гибель русских судов там-то.

В лавочке всегда сидит в жёлтой тоге коричневый буддийский жрец.

В обыкновенное время это мирная лавочка японской посуды, вееров, лаковых изделий с вывеской:

«Японские редкости».

Теперь это главное японское «телеграфное агентство», центр всех известий о японских победах.

Я послал своего «боя» — слугу купить мне японских лубочных картин.

Он принёс с дюжину.

— А самые интересные, мастер, взятие Порт-Артура, сказали, будут через две недели. Уж высланы из Японии, едут.

Я часто проезжал мимо лавочки, — всегда толпа.

Картины довольно дороги, от 30 до 60 к. на наши деньги, но сингалы их раскупают охотно.

Все сингальские дома, в конце концов, будут разукрашены японскими победами.

Я часто заходил в лавочку купить то то, то другое, и всегда в лавке, на виду у толпы, развалившись, со скучающим видом полулежал задрапированный в тогу буддийский жрец.

Нанимали они, что ли, этих странствующих и, по обету, нищенствующих жрецов.

Но присутствие жреца — умно.

Самому непросвещённому сингалу этот вид буддийского жреца в японской лавке говорит и напоминает, что воюют единоверцы.

Хотя вряд ли симпатии населения Цейлона нуждаются в том, чтобы их подогревать.

Сингалы страстно и всей душой за Японию.

Народ, забывший даже о том, что бывает самостоятельность, народ, всегда кому-нибудь принадлежавший, — португальцам, голландцам, англичанам — с увлечением читает и слушает о буддийском народе, который воюет так блестяще.

— Каким мужеством и какой мудростью наполняет сердце наша религия Будды!

Появились астрологи.

Буддистское население очень суеверно, — предсказания астрологов имеют огромный успех.

И печатаются газетами.

Первым появился астролог Сеневиратнэ, из местности Урогадаваттэ.

Его предсказание напечатала газета «Independent».

Ничего удивительного. Эта газета в руках богатых сингалов.

Если вы спросите у англичанина на Коломбо:

— Что за газета «Independent»?

Он вам ответит с той безгливой гримасой, с которой англичане говорят о «цветных»:

— От неё пахнет чёрными!

Газета напечатала от 21 апреля нового стиля:

«Между 23 и 27 апреля будет ужасная морская битва, и 27 японцы будут иметь победу, результатом которой может быть взятие Порт-Артура».

Этого было довольно.

Даже «руководящий» орган, чисто английская газета «Times of Ceylon», принялась после этого печатать «предсказания» астрологов.

Она отыскала другого сингала-астролога Абейсикере.

И пошли предсказания:

«Японцы находятся ближе к солнцу, к его восходу, приблизительно на 1000 миль, чем все другие нации в мире. Таким образом, на них солнце гораздо более действует; вследствие этого они могущественны, их ум быстро пробуждается, и они ловки во всех своих делах, а в особенности в войне. Они не только победят в этой войне на море, но также переселят и на суше и будут иметь полную победу. Остаюсь В. С. М. Абейсикере».

«Я нашёл при помощи астрологии, что планета Юпитер, которая теперь в полной силе, вместе с Марсом, „богом войны“, помогает японскому императору в этой войне, — так как эти планеты ненавидят амбицию России, вызвавшей эту войну, имея в виду две цели, без достаточной причины. На земле не может произойти ни одной войны без ведома планет. До 15 июня японцы много поработают на войне и, благодаря Юпитеру и планете Сатурн, которая также в полной силе, большое горе постигнет Россию, а потому сон со стороны России думать, что она победит. Япония будет иметь полную победу».

Для «предсказаний судьбы», которые вынимают птички, было бы недурно.

Но для чисто английской газеты это слишком глупо.

Можно ненавидеть, но не надо позволять даже ненависти доводить до глупости.

Как далеко заходят симпатии населения Цейлона к Японии? Существует ли здесь призрак «цветной опасности»? Существует ли здесь японская пропаганда всеобщего восстания цветной Азии, под эгидой Японии, против «белых?»

Мирное, изнеженное природой, ленивое население Цейлона не мечтает ни о чём подобном.

Насколько безопасный вообще народ сингалы, можно судить по тому, что численность всех гарнизонов Цейлона определяется сотнями, даже не тысячами, английских солдат.

«Военная сила» Цейлона, это — волонтёры.

Приказчики, мелкие служащие, которые в субботу вечером «становятся под знамёна», всё воскресенье маршируют, стреляют, делают небольшие «походы», устраивают привалы, разбивают лагеря. И в понедельник утром сидят за своими конторками в одних жилетках под прохлаждающими опахалами — «панкерами» и пишут деловые письма.

Это отличный моцион. Нечто в роде спорта. Среди тоски колониальной жизни всё же могущая заинтересовать игра в солдаты.

Там, где есть опасность, англичане держат войска.

И самая незначительность гарнизонов говорит как нельзя лучше о полной «лояльности» и неподвижности цейлонского населения.

Проповедовать Цейлону восстание против белых!

Японцы слишком умны для этого.

Интересы Японии и интересы Цейлона ничего не имеют между собой общего.

Есть недовольства англичанами, — большие сравнительно налоги, пренебрежительное отношение «джентльменов» даже к самым интеллигентным «цветным», получившим даже университетское образование, — но недовольства слишком незначительные, чтобы поднять восстание; да ещё восстание такого ленивого, изнеженного природой народа, как сингалы.

В главных, основных чертах население Цейлона совершенно довольно существующим порядком вещей.

Семь лет я не был на Цейлоне.

И через семь лет застал его не только побогатевшим, но страшно разбогатевшим.

Наживаются не одни англичане, но и сингалы.

Цветные, которые семь лет тому назад владели ничем нестоящими пустырями, — теперь миллионеры. Стоимость земли возросла страшно.

Коломбо растёт до неузнаваемости.

А что делается в центре страны! Как разрослись чайные плантации!

Сингалы умный народ.

Они умеют пользоваться положением.

Они забирают себе самые лёгкие и самые доходные занятия.

Для чёрных работ, самых тяжких и трудных, выписывается безответная «шудра», — низшая каста, — из тамиллов, с юга Индии.

Где ни спросите:

— Кто работает?

— Тамилы.

— Кто подрядчики?

— Сингалы.

Благосостояние разливается по всему сингальскому населению.

Это заметно по жилищам, по одежде жителей.

Это в массе.

Не говоря уже о появлении необычайного количества богачей среди сингалов.

Их роскошнейшими виллами, коттеджами застроены на вёрсты аллеи самых фешенебельных парков.

Перед вечером во время катанья сингалы блещут и щеголяют великолепнейшими выездами, кровными лошадьми, разодетыми лакеями.

И этому благополучию не предвидится конца.

К северу находятся ещё огромнейшие, такие же богатейшие, но почти неисследованные части острова.

Всё это оживёт, всё это даст массу заработка, принесёт миллионы и миллионы.

Весь Цейлон занят сейчас, страшно занят, поглощён вопросом.

Но не вопросом о белых и цветных, а вопросом о разведении резинового дерева.

Это страшно выгодно.

— Что, однако, выгоднее: чайные плантации или резиновое дерево?

Резиновое дерево, посаженное рядом с чайными плантациями, придаёт отвратительный привкус чаю:

— Старой калошей пахнет.

Что лучше? Броситься в резиновое дело или сохранить чайные плантации?

Вот вопрос, самый важный, самый существенный, который занимает теперь весь Цейлон.

Ненависть к англичанам!

Но мечта каждого сингала быть как можно более похожим на англичанина.

Они одеваются как англичане, едят столько раз и в такие часы, как англичане, занимаются тем же спортом, теми же играми, как англичане.

С гордостью зовут себя:

— Чёрные англичане.

Какой-то пир происходит на Цейлоне. Ожившая, благодаря английской предприимчивости, энергии, богатейшая в мире природа шлёт миллионы и миллионы.

Это золотой дождь, который на одних, правда, льётся потоками, но и на других падает крупными каплями.

Сингальская аристократия — миллионеры. Сингальская интеллигенция — врачи, адвокаты, судьи. Сингальской полуинтеллигенцией заняты все банки, конторы. Простой народ находит отличные заработки и, будучи умным, ловким и ленивым, умеет брать для себя самые выгодные и наименее обременительные занятия.

Нам пора бы перестать строить свои заключения на словах тех сингалов, торговцев и поставщиков, с которыми приходится иметь дело нашим морякам и немногим русским, попадающим на Цейлон.

Сингалы — умный и лукавый, как азиаты, народ.

— Ах, если бы вы знали, как мы ненавидим англичан!

Они знают, что это нравится покупателю.

— Русские — такой великодушный народ!

После этого русский и не станет торговаться из-за какой-нибудь лишней рупии:

— Надо же поддержать этикие симпатии!

Вы слышите о нелюбви к англичанам, о тяжести английского ига, но когда потом подводите итог расходам, видите, что каждое объяснение в нелюбви к англичанам стоило вам несколько рублей.

— Палка-то не из чёрного дерева. Выкрашена! А как, подлец, говорил, что англичан не любит!

Никакого призрака «цветной опасности» не носится над Цейлоном и миллионами его обитателей.

Да ведь англичане же не дураки.

Если бы существовала в этом отношении опасность, если бы японские победы в этом направлении действовали на умы и зарождали такие мысли, неужели вы думаете, что англичане стали бы по три раза в день, — газета да два телеграфных добавления, — раздувать победы Японии?!

В чём же выражаются симпатии населения Цейлона к Японии?

В пожертвованиях деньгами на раненых, на семьи убитых. В молитвах и жертвоприношениях о «даровании победы японцам».

Подписка в пользу вдов и сирот убитых японцев идёт сильно.

Газеты ежедневно печатают списки всё новых и новых приношений.

Длиннейшие сингальские «национальные» фамилии пестреют среди кратких и громких:

— Сильва, Диего, Родриго.

Это тоже сингалы, принявшие испанские фамилии ещё во времена португальского владычества.

Жертвуют, по большей части, богатые люди.

Простонародье только молится за японцев.

Богатые люди раскошеливаются из двух соображений. Чтобы быть похожими на англичан:

— Мы чувствуем и думаем, как настоящие «джентльмены».

И чтоб угодить простому народу:

— Хоть и совсем почти джентльмены, а добрые буддисты, — жертвуют на Японию.

Есть сингалы и сочувствующие русским.

Но это исключение. Это редкость. И сочувствовать надо очень, очень втайне.

Я знаю это, как положительный и несомненный факт. В редакцию одной из газет явился сингал с пожертвованием в пользу семейств убитых и раненых русских.

— От кого? Ваша фамилия?

— Нет, нет, нет!

Он испугался.

— И не думайте печатать! Как-нибудь вечером, в темноте, нож в бок всадят! Нет, нет! Даже и не печатайте, что от сингала!

Интересная, между прочим, подробность.

В Канди, в храме «зуба Будды», есть знаменитые картины, изображающие мучения грешников.

Среди них картина: как будет поступлено с теми, кто убивает... маленькие существа, населяющие у некоторых голову.

«Такие убийцы» мечутся с распущенными длинными волосами среди огненных волн.

И демоны огромными дубинами избивают их самих.

— Как они избивали «тех».

Как же, однако, поступают «в подобных случаях» сингалы ?

Однажды Бенджамин Франклин нашёл у себя на рукаве маленькое, но кусающееся существо.

Он снял его и пустил на землю, сказав:

— Иди, маленькое существо. Свет достаточно велик: на нём найдётся место и для меня и для тебя.

Сингалы поступают, как Франклин.

Проезжая через сингальское селение, вы на улице увидите десятки таких сцен: ловли и отпускания на свободу.

— Убивать грех.

И убийство человека как нельзя более частое преступление среди сингалов.

— Тут на этот счёт просто. Вечером, из-за угла, нож в бок! — объясняют вам.

И ежедневно вы читаете в газетах об убийствах.

Вот вам религия, и как она применяется на практике.

Подписка в пользу семейств убитых на войне русских началась так.

Какой-то англичанин напечатал в газетах письмо:

— Мы всегда славимся беспристрастием...

Это было, надо заметить, сейчас же после того, как поднялся шум о враждебном тоне английской печати, и в местных газетах появились телеграммы, что в Москве и Петербурге русские начинают из-за этого бойкотировать английских торговцев.

— Мы всегда славимся беспристрастием. Почему же теперь идёт подписка в пользу только одних японцев? Будем собирать в пользу пострадавших у обеих воюющих сторон.

Подписка была открыта, но успеха не имела.

Отношение получилось такое: в то время, как в пользу японцев поступило 7000 рупий, — в пользу русских набралось только 1500 рупий. 4200 рублей и 900.

Во всех гостиницах, на вокзалах вывешены подписные листы.

С двумя графами:

— Для японских раненых. Для русских.

Под рубрикой «японцы» длинный список. Под рубрикой «русские», по большей части, неразборчиво написанные одна, две фамилии и цифры:

— 2 цента. 1 цент.

Около копейки, полкопейки.

Это остроумие.

И очень часто написанное карандашом строгое примечание:

— Было бестактно открывать подписку, раз можно было предвидеть такие результаты.

Посещая буддистские храмы, я спрашивал у бонз, жрецов:

— Приносятся ли у вас молитвы о победе японцев?

Мне отвечали всюду:

— Конечно. Верующие приносят цветы Будде и молятся.

В Канди я был в храме «святого зуба», на встрече буддистского нового года.

Это была фантастическая картина.

Ночь. Над головой небо с крупными, сверкающими, словно огромные брильянты, тропическими звёздами.

Звон гонгов. Гул огромных барабанов. Бенгальские огни. Треск бураков, которые пускают «верующие».

Вокруг храма полуодетая толпа, словно красивые статуи из тёмной бронзы. Все держат над головами корзиночки с цветами. Жертвоприношения Будде.

Завыванья. Буддисты как-то особенно воют свои молитвы.

Вся эта толпа ждала в храме рассвета, чтоб радостным криком приветствовать «солнце нового года».

И в ожидании вслух молилась.

Кому что нужно на новый год.

— А молятся, чтоб японцам была послана победа? — спросил я у своего переводчика.

Он взглянул на меня даже с удивлением: нашёл, о чём спрашивать!

— А как же?

И он спросил у соседа:

— За кого несёшь цветы?

И перевёл мне:

— За японцев!

Спросил у другого:

— Тоже за японцев!

Торговец «цветами храма» около нас, над самым ухом, колотил в бубен и что-то вопил.

— Продаёт цветы для молитв за японцев! — пояснил мне переводчик и перевёл вопли торговца:

— Цветы! Покупайте цветы! Несите Будде, пусть небо пошлёт победу японцам!

- Коломбо. Прибой волн во время муссонов.
- Коломбо. Главная улица в «форте».
- Вид Канди.
- Священная процессия в Канди.
- Сингальские старейшины и губернатор о. Цейлона.
- «Как джентльмен!» (сингал).
- «Чёрная леди» (сингалка).

Колониальная печать и война

Есть два английских языка.

Один для японцев, другой для русских.

Моряков с «Варяга» английская колониальная печать называет «беглецами».

Каждый убитый, каждый раненый в бою японец — «герой».

— Похороны убитых японских героев.

— Встреча раненых японских героев.

— Оставшиеся невредимыми японские герои.

Проводы генерала Куропаткина из Петербурга сопровождались «дикими сценами».

А проводы японских солдат, отправляющихся на войну, сопровождаются «тёплыми и трогательными патриотическими демонстрациями».

Есть «две меры и два веса».

Когда покойный Макаров был назначен командующим эскадрой, английская печать в Индии диву давалась:

— Чему это русские так радуются и почему они возлагают на этого адмирала такие надежды?

«Адмирал Макаров — учёный, изобретатель. Но его военно-боевых качеств никто не знает, — по той простой причине, что ему не было случая их проявить. Генералы и адмиралы, самые лучшие в мирное время, оказываются часто совершенно неспособными к войне. Тут нужны совсем другие качества, присутствие которых у адмирала Макарова пока ещё, — за отсутствием опыта, — совершенно никому неизвестно. Это такой же новый и неизвестный человек, как всякий другой, — и считать его, как считают русские, крупной боевой силой пока ещё нет ни малейших оснований».

А когда Макаров погиб на «Петропавловске», те же газеты писали:

«Незаменимая утрата, стоящая одна многих поражений. Погиб больше, чем первоклассный броненосец, больше, чем находившийся на нём отряд войска, великолепная артиллерия. Погиб Макаров. Погиб его план войны. Все прежние потери — нуль в сравнении с этой. Россия потеряла самого сведущего, самого опытного адмирала, на которого, — по справедливости, — возлагались все надежды. Единственный адмирал, который мог привести русский флот к победе».

Есть две логики.

Когда от плавучей японской мины погиб «Петропавловск», — английская печать в Индии и на Цейлоне пришла в восторг от гениальности адмирала Того.

— Какой манёвр. Выманить противника и в тылу у него разбросать плавучие мины!

Газеты сокрушались только об одном:

«Стихия, непреодолимая сила, только случайность помешала выполнению гениального плана Того целиком. Ещё полчаса, — и порт-артурской эскадры не существовало бы. Выманив русскую эскадру крейсерами, адмирал Того, пользуясь туманом, на всех парах пошёл, чтобы отрезать её от Порт-Артура. Но туман колыхнулся. С берега заметили мачты эскадры Того и по беспроволочному телеграфу оповестили своих: „Того вас обходит“. Русская эскадра быстро повернула назад. Но всё же часть гениального плана была выполнена: умело и ловко разбросанные плавучие мины сделали своё дело».

Но вот японский броненосец пошёл ко дну, и английские колониальные газеты подняли вопль:

«Варварство, которому надо сейчас же сразу положить конец. Русские прибегают к помощи подводных мин. Это не может быть допустимо в цивилизованной войне. Это грозит всему мирному, торговому мореплаванию тех вод, коммерческим интересам и жизням неповинных людей. Разве можно там, при сильных приливах и отливах, при могучих течениях, страшных ветрах, беспрестанных штормах, при ураганах, при тайфунах, прибегать к такому варварству, — как пускание плавучих мин».

Мы не в праве требовать от англичан беспристрастия.

Япония — союзница Англии.

И было бы очень неблагородно, если бы англичане не держали сторону союзницы.

Англичане радуются каждой русской неудаче.

Но ведь и мы не горевали по поводу успехов буров.

Люди мстят. Законное чувство.

Англии мерещится за снежными вершинами Гималаев сверкающая щетина русских штыков, — и со стороны англичан естественно и благоразумно как можно больше дискредитировать Россию в глазах населения Индии.

Можно быть несправедливым.

Но быть нелогичными, — это уж непростительно для печати такого умного народа, как англичане.

За один и тот же факт англичане успевают похвалить японцев два раза.

Сегодня вы читаете:

«Подвиг японского офицера. Японский офицер такой-то кинулся в атаку со своим миноносцем. Засыпаемый снарядами, он продолжал пускать мины, пока вражеский снаряд не разорвался у его ног. Храбрый офицер был разорван буквально на атомы».

Статья так и носит заглавие:

«Японский офицер, разорванный на атомы».

И это «на атомы» подчёркивается и вменяется в главную заслугу храбрости покойного.

А через три дня вы читаете, что тело этого офицера было доставлено в Японию:

— «Покрыто знаменем, похоронено с величайшими почестями в присутствии колоссальной толпы. Сам микадо прислал адъютанта...»

Это тело-то, разорванное «на атомы».

Увлечение японскими интересами доходит до того, что не только в телеграммах русские титулуются не иначе, как врагами, — это неудивительно: большинство телеграмм японские, — но даже редакционные статьи начинаются часто словами:

«Враги двигаются на выручку Порт-Артура...»

Так далеко можно, не заметив, зайти в увлечении.

Эти «lapsus linguae»[7] характерная черта, — как работает английская мысль в колониях. Маленькая ошибка, но она открывает нам не только, что говорят, но и как думают.

Очевидно, эти люди иначе и не думают о русских, как:

— Враги.

Что бы ни случилось, — всё честь и слава японцам.

Первая телеграмма о гибели «Петропавловска» была:

«Погиб, наткнувшись на свою же, на русскую мину».

И газеты пришли в восторг от тактики японцев.

«Адмирал Того действует благоразумно, не рискуя и не предпринимая никаких активных действий против врагов. Он предоставляет им погибнуть от их собственной неопытности, неумения, неподготовленности. Ещё один русский броненосец погиб от русской мины».

На завтра телеграмма:

«Мина, от которой погиб „Петропавловск“, была японская».

И, оказывается, адмирал Того молодчина и за это:

— Его энергия, его ни на минуту не прекращающаяся деятельность, его активность изумительны.

Всё в японцах доводит английские газеты до умиления:

— Они хоронят русских мёртвых.

— Они лечат русских раненых.

Словно предполагается, что в XX веке можно поступать наоборот. Хоронить, например, раненых.

— Трогательная черта. В радостной процессии с фонарями, которую устроили в Токио по случаю гибели «Петропавловска», несли 100 белых фонарей в знак траура по адмиралу Макарову.

Телеграмма:

«Газета такая-то в Йокогаме выражает даже сожаление, что Япония потеряла такого достойного противника, как адмирал Макаров».

Или, вдруг, известие, обходящее все газеты Индии:

«Японский патриотизм.

Японская маркиза такая-то, в Киото, принимая у себя гостей, совершенно просто заметила:

— У меня на войну отправились муж и три сына. А вот у маркизы такой-то пошли на войну семь сыновей.

И со вздохом добавила:

— Какая она счастливая! И как я ей завидую!

Таково отношение японских жён и матерей к войне и отечеству».

Трудно было даже представить себе раньше, чтоб сухие и деловые люди, издающие в Индии английские газеты, могли быть так чувствительны и сентиментальны.

Но совершенно не важно, что печатается в газетах.

Мало ли каких глупостей ни печатается во всех газетах всего мира. На то и газеты.

Важно, как к этому относится публика...

Это видно по письмам в редакцию.

«Письма в редакцию» — очень крупный и важный отдел во всякой английской колониальной газете. Англичане пишут очень охотно «в свою газету». Часто это целые трактаты, очень интересные, важные, содержательные.

Для англичанина «его газета», это — трибуна, с которой он не только слушает проповеди, но и говорит. «Письма в редакцию» — здесь именно и живёт «общественное мнение» страны.

Писем по поводу войны масса.

Появляется слух, — телеграммой из Лондона, — что Англия намерена оказать мирное вмешательство для прекращения войны.

В газеты сыплются письма.

— Зачем? К чему? Мы протестуем против такого шага правительства. Он неразумен. Мы должны быть благодарны Японии за то, что она мужественно приняла на себя удар, грозивший безопасности всей Азии. Не случись этой войны, — русские полчища, которые стягиваются теперь в Маньчжурию, появились бы в Тибете, у ворот Индии. В наших интересах, если война протянется. Каков бы ни был её исход, Россия будет так обессилена, что мы надолго застрахованы от опасности. Всякое вмешательство, имеющее целью прекращение войны, будет со стороны нашего правительства шагом неосновательным, противоречащим нашим собственным интересам.

Получается телеграмма:

«Русские хотят сделать заём в 30 миллионов фунтов».

Снова «письма в редакцию» бьют тревогу:

— Зачем им 30 миллионов фунтов, когда японцы делают заём всего в 5 миллионов? Раздавив Японию, они остатки этого займа употребят на дальнейшее расширение своих владений в Азии. Успех такого займа грозил бы опасностью нам. Наши биржевые сферы должны это понять и действовать сообразно этим расчётам. Такие деньги на военные надобности в руках России, это — оружие против нас.

Известие о займе особенно взволновало всех.

Мне приходилось беседовать со многими.

Все без исключения разделяют только что приведённые мысли.

— Ну, хорошо. Пусть от займа будет свободный остаток. Но неужели же вы думаете, что у России нет никаких других потребностей, кроме военных? Почему вы полагаете, что Россия не истратит этих денег на свои внутренние нужды?

— Нет, нет, никогда! Россия истратит деньги только на военные приготовления в Азии.

Так говорят англичане рассуждающие.

Люди чувства...

Бой, служащий у моих знакомых в Коломбо, — сингал, принявший христианство, — вернулся в одно из воскресений из церкви со слезами на глазах и глубоко растроганный.

— Что с вами?

— Пастор произнёс отличную проповедь. Такую проповедь, что все в церкви плакали.

— О чём же?

— Как Господь наказывает злых. Он говорил о самоубийстве русского адмирала Алексеева.

— Почему же адмирал Алексеев кончил самоубийством?

— А потому, что Бог помог японцам, и они взяли Порт-Артур.

Это вызывает благочестивые размышления английских пасторов и пылкие проповеди «цветных» с церковной кафедры.

О непрерывных взятиях Порт-Артура говорить, конечно, нечего.

В час дня клерк в конторе распечатывает присланный из редакции пакет с первыми денными телеграммами о «великой войне», — так зовут её колониальные газеты.

— Порт-Артур взят!

— Опять? — спокойно спрашивают его клерки с соседних столов.

— А интересного ничего нет?

— Эти взятия Порт-Артура, — жаловался мне один знакомый, — производят у меня только беспорядок в конторе. Прислуга только и делает, что ругается

между собой и дерётся. При сингальском характере, того и гляди, дойдёт до ножей.

Сингалы, азартные игроки по природе, сделали из войны отчаянную азартную игру.

Все держат пари:

— Когда будет взят Порт-Артур?

— Рупия, что на этой неделе.

— Пять, что на той.

Продуваются до того, что проигрывают жалованье за месяц вперёд.

Приходит обычная телеграмма:

«Порт-Артур взят».

Происходят расчёты.

А на завтра опровержение:

«Известие о взятии Порт-Артура преувеличено».

Оказывается, японцы только выкопали новую траншею ближе к крепости.

Ссоры, драки:

— Деньги назад!

— Спорили на телеграмму!

А так как, по восточному обычаю, «цветной» прислуги в каждом доме, в каждой конторе держится не иначе, как множество, то кавардак из-за войны происходит в каждом доме.

Англичане и японцы

Отношение колониальных англичан к японцам, — даже не свойственно такой, казалось бы, холодной нации, — восторженное.

Но вот две характерных черты.

— Японцы показали себя истинно цивилизованной нацией.

— Япония показала себя могущественной державой.

А статьи и телеграммы, в которых всё это говорится, озаглавлены словом:

— Japs.

«Japs» значит не «японцы», а «япошки».

Даже английская пресса, — сама грешащая тем же, — подняла об этом вопрос, и делала неоднократно внушения своим колониальным собратиям.

«Достойно сожаления, с точки зрения здравого смысла, что русские газеты называют японцев „макаками“. Врага надо уважать и на случай победы, чтобы придать ей цену, и на случай поражения, чтобы не сделать этого поражения ещё более обидным. Но со стороны русских газет это ещё поддаётся объяснению: они говорят о враге и хотят бранью утешить читателей. Совершенно, однако, непонятно и достойно всяческого сожаления обыкновение нашей печати называть японцев унижительным именем „japs“. Что сказали бы мы, если бы нас стали называть „какими-то дрянными англичанами“».

Но в этом сказалась типичная и характерная черта англичан.

Даже расхваливая японцев, англичанин всё-таки пишет презрительное:

— Япошки.

Потому что он так думает.

В Японии я много видел англичан.

Если вы спросите там у англичанина:

— Цивилизованный ли народ японцы?

Англичанин, имеющий дело только с деловыми городами Японии, с «европейскими» Иокогамой, Токио, Кобе, Нагасаки, не знающий, не желающий знать, не интересующийся остальной Японией, ответит вам, — не без нерешительности, не без гримаски, надо сказать:

— Д-да!

Но японца рядом с собой в экипаж он не посадит. Вместе с ним, чтоб не потерять общественного уважения, кататься не поедет.

К себе в дом никогда никакого самого цивилизованного японца не пригласит.

В чайный дом с японцем пойдёт, — чтобы взглянуть на курьёз, на достопримечательность страны.

Но приглашения японца пожаловать отобедать не примет, в дом к нему, как знакомый, не пойдёт.

Русский, немец, француз, — кто угодно может смело войти в любой клуб английской колонии в Японии, рассчитывая «на гостеприимство доброй, старой Англии».

Стоит сказать:

— Я иностранец. У меня нет никого друзей в городе.

И англичане с величайшей любезностью, с традиционным английским радушием примут вас к себе, записав, — это у них на такие случаи специально даже установлено, — «почётным членом» клуба.

Но японцу, кто бы он ни был, никогда не перешагнуть порога английского клуба.

— Яр!

В Иокогаме я получил очень осторожное, но категорическое замечание хозяина «Гранд-Отеля» за то, что привёл с собой знакомого японца в «бар» выпить содовой воды:

— Вам, как иностранцу, конечно, это может быть неизвестным. Но у нас нет обыкновения, чтобы японцы бывали в «общественных залах» гостиницы. Там бывают только джентльмены.

Мои соседи по обеденному столу, всегда относившиеся ко мне очень мило, с удивлением посмотрели на меня, когда я как-то сказал:

— А я уезжаю дня на три в очень интересную поездку: один японец пригласил меня погостить у него на даче около Киото. Я увижу домашнюю японскую жизнь.

Только один спросил меня учтиво, но очень холодно и с оттенком удивления:

— И вы приняли приглашение?

Остальные промолчали и сделали вид, что не слышали шокирующих слов слишком уж экстравагантного иностранца.

И после этого между нами установился холодок. Осталась учтивость, но любезности я больше не видел.

Я чувствовал, что меня извиняют, но порицают.

И когда я вернулся, никто даже не спросил меня, как спрашивали всегда, после каждой моей отлучки на два, на три дня:

— Интересно вы провели время?

Словно все безмолвно сделали уговор даже не вспоминать о компрометирующем «джентльмена» поступке.

Даже на японских пароходах, которые ходят между японскими портами, в столовой для англичан накрывают особый стол.

Англичанин счёл бы себя ужасно стеснённым сидеть рядом с «jар'ом».

Многие, вероятно, предпочли бы даже не обедать.

И «могущественный», и «беспримерный по отваге», и «европейски-цивилизованный», и какой угодно, — а всё-таки «jар».

Для англичанина японец может быть высоко развитым, образованным, — но быть «джентльменом», т. е. человеком, пропитанным истинной европейской культурой, равным, быть не может.

И вся разница между моим, например, взглядом, вынесенным из знакомства с Японией, и взглядом их друзей-англичан заключается в следующем.

Я думаю, что у этого способного народа было ещё мало времени, чтобы сделаться истинно европейски-культурным народом.

Англичане думают, что он не способен им сделаться никогда.

Мне кажется, что крики: «высоко-цивилизованный», «истинно-культурный» народ — преждевременны.

Англичане, кричащие «цивилизованные», «культурные», совершенно неожиданно добавляют:

— Япошки.

Другая характерная черта.

Я люблю английский язык. За его сжатость, за его деловитость.

Но это не нежный язык.

Надо быть Шекспиром, чтоб создать на этом языке объяснение в любви.

Усталый, измученный дорогой, да ещё больной, поздно вечером я приехал из Индии в Бриндизи и, наконец-то, добрался до постели, а не койки. До постели, которая не перевернётся от «боковой качки». Какая роскошь!

Но под открытым окном говорили по-итальянски. И сон улетел. После пяти месяцев английского языка я слушал как музыку итальянский и подошёл к окну, чтоб лучше слышать эту музыку.

Говорили двое.

Трещала итальянка, — должно быть, горничная из «альберго».

Аккомпанировал ей голос одного из наших пассажиров. Он с трудом, запинаясь, но говорил по-итальянски.

О чём могут говорить горничная и постоялец вечером около гостиницы?

— E come se dice inglese io t'amo? — кокетливо спросила итальянка.

«Как по-английски: я тебя люблю?»

— I love you!

И итальянка расхохоталась звонко, — словно соловей разлился трелью в тёплом воздухе бархатной южной ночи.

— Как? Как?

— Ай лоув ю!

— Ха-ха-ха!

И она сквозь смех старалась выговорить:

— Ай... Ха-ха-ха!.. Лоув... Ха-ха-ха!.. Ю...

Она не могла не хохотать: по поводу таких хороших вещей издавать такие дикие звуки!

Но до чтения английских газет в Индии теперь, во время войны, я никогда не знал, что английский язык может быть так нежен, даже сладок, что на нём можно так хвалить, даже воспевать.

Чего не писали каждый день про Того! Откуда брали эпитеты!

— Гениальный... Покрывший себя новой славой... Победоносный...

И вдруг утонул всего один броненосец.

И куда делся «гениальный», «победоносный».

Как один человек, поднялась вся английская печать Индии.

— Наклонность к рискованным действиям!

— Отсутствие предусмотрительности!

— Преступное легкомыслие.

Что же случилось?

— Того потерял одну шестую японского броненосного флота!

Одна из самых солидных индийских газет «Times of India» даже от волнения в счёте «до шести» сбилась:

— Потерял пятую часть флота!

Газеты подняли не крик, а настоящий содом:

— Того обязан был помнить, что у японцев всего шесть броненосцев, и потеря одного...

Газеты находили непростительным, ужасным:

— Погиб так же, как «Петропавловск»! Того должен был быть особенно внимательным после гибели «Петропавловска».

«Того довёл Японию до огромного поражения».

И если бы Того читал английские газеты Индии, он прочёл бы очень много кислых примечаний:

«Того не должен забывать разницы положений. У России есть балтийская эскадра, есть, в крайнем случае, черноморская, — Россия может оказать давление на Турцию и провести свой флот через проливы. А у Японии ничего этого нет. У России погибли „Петропавловск“, „Ретвизан“, „Цесаревич“, — тогда „Ретвизан“ и „Цесаревич“ считались и японцами и англичанами „окончательно погибшими“, — но если бы японцы потеряли три броненосца, они потеряли бы половину своего флота! Дело Японии было бы конченным! Других броненосцев нет, изготовить их нельзя».

Мы дошли до главного пункта, который объясняет весь взгляд колониальных англичан, да и всего Востока, на войну.

— У кого больше резервов.

Ездить русским по Востоку было бы в такое время непрактично.

Что услышишь?

Всякий благовоспитанный человек или будет молчать, или сочтёт долгом сказать, хоть и против своих взглядов, из вежливости что-нибудь «приятное для русского».

Похожая на польскую фамилия делает из меня совершенно правдоподобным «немца из восточных провинций Пруссии, едущего по торговым делам по Востоку».

Немцы нынче везде, и появление немецкого коммерсанта никому не кажется странным.

С немцем говорят о чужой ему стране, России, спокойно и не стесняясь.

Я говорил о войне с сотнями людей. И это было нетрудно: кроме войны, на Востоке теперь ни о чём не говорят.

И общее мнение на Востоке:

— Эта война — игра на резервах.

Да, каждый успех японцев их радует.

Но решительного значения никто самому блестящему успеху не придаёт.

По их мнению, успехи, поражения, храбрость войск, таланты командующих, — всё это почти никакой роли не играет.

У кого хватит сил дольше выдержать.

Тот и задавит.

От их вычислений, спокойных, рассудочных, веет ужасом, потому что веет тысячами человеческих жизней.

Но вот мнение европейцев на Востоке, — кратко формулируя всё, что я слышал:

— Япония блестяща, великолепна для короткой войны. Но Россия имеет возможность затянуть войну, — и Япония не выдержит в конце концов. За одной русской армией придёт, если нужно, другая, за другой — третья, за третьей — четвёртая. Для маленькой Японии это война почти что со стихией. Она одна утонет в этом потоке. Не хватит людей, не хватит денег, не хватит сил бороться с новыми, новыми волнами потока.

Ну, а протянуть руку помощи утопающему в потоке — у англичан нет желания.

Пока что, любуясь японцами, криками об их победах желая ослабить престиж русской силы на Востоке и предвидя, что, в конце концов, Японию всё же «задавят», — пока английская Индия делает, благодаря войне, отличные дела.

Надо ждать в Индии если не голода, то довольно сильного недоедания.

Такая масса риса с начала войны непрерывно вывозится из Индии в Японию.

Японии никогда не хватало своего риса. Всегда возили из Индии, Предвидя недостаток рабочих рук по случаю военного времени, Япония очень предусмотрительно с самого начала войны начала усиленно запастись рисом из Индии.

Цены поднялись. Индийские торговцы потирают руки. Индийское население начинает кряхтеть: кроме риса ведь они почти совершенно ничего не едят.

Ловят момент: пока выход из Бенгальского залива, Малаккский пролив, Жёлтое море свободны.

Пароход за пароходом непрерывной вереницей идут из Индии в Японию.

Мы можем ловить контрабанду только на севере и западе Японии. Если бы у пролива между островами, у выходов из Индийского океана на Восток, была хотя лёгкая крейсерская эскадра!

Здесь охота на военную контрабанду, на самую существенную.

Здесь возможность, даже не проливая крови, приблизить окончание войны.

И японцы торопятся запастись провиантом, пока не налетел страшный призрак:

— Балтийская эскадра.

И в этом деле, заготовления провианта для страны, очень многое уже успели сделать.

Индия и Россия

Существует ли японская пропаганда в Индии?

Об этой страшной опасности я узнал на Цейлоне... из русских газет.

В Коломбо есть маленькая русская колония, человек семнадцать, чаеоторговцы.

Они снабжали меня русскими газетами.

В этих газетах пестрело:

— Бесчисленные японские агитаторы, наводняющие Индию... Проповедь индусам всеобщего восстания «цветной» Азии против белых под эгидой «победоносной» Японии... Англичане уже сознают опасность...

И, отправляясь из Коломбо в Тутикорин, на юге Индии, я решил, конечно, прежде всего, заняться этим страшно интересным вопросом.

Я думал только то же, что уже говорил относительно «японской пропаганды» на Цейлоне:

— Как же так? Этакая опасность грозит англичанам, а они раздувают изо всех сил победы «jar'ов» и превозносят Японию, её мужество, её могущество. Играют на руку агитаторам. Странно. Англичане всегда слыли большими чудаками, но дураками они не были никогда.

Я был в Мадуре, Тришинополи, Танджоре, Мадрасе, Хайдарабад, Безуаде, Калькутте, Бенаресе, Канпуре, в Агре, Дели, Джайпуре, Бомбее. Это юг, север, центр, восток и запад Индии.

Для своей поездки я выбрал самое тяжёлое, самое знойное, но и самое интересное время: всё пересохло от невыносимого жара, полевых работ нет, и население пользуется свободным временем для богомолья и паломничества.

В священных городах Индии, Бенаресе, Мадуре, Тришинополи я видел представителей всевозможных индусских племён. Паломников со всей Индии, до самых глухих и недостижимых её тущоб.

Всё время я проводил среди индусов.

И у меня была возможность проникать довольно глубоко в их жизнь, — мой слуга и переводчик, индус, «трэвэлинг-бой» по специальности, человек, изъездивший всю Индию вдоль и поперёк, владеющий, кроме английского языка и хинди, на котором объясняется вся Индия, ещё десятком главных языков Индостана.

Я везде искал японцев.

Добросовестно, прилежно.

И только в Калькутте мой индус явился, наконец, с торжествующим видом:

— Мастер, есть японцы.

Он, по моему поручению, был в туземном городе и, пользуясь массой знакомств, расспрашивал об японцах.

Но бедняга Ганепати добавил со смущённым видом:

— Только, мастер, это не японцы, а японки.

Оказалось, что японок довольно много.

Только занимаются они не политической пропагандой... Далеко нет!

Англичане, которым я говорил об японской пропаганде в Индии, смотрели на меня во все глаза.

— Откуда вы это взяли?!

А среди них были и люди, занимающие официальное положение, и деловой народ, имеющий ежедневно дела с индусами. Были люди, прожившие в Индии по 20 лет и, следовательно, уже знающие страну.

Об «опасности для Индии» в Индии никто ничего не знал.

Японских агитаторов в Индии выследить не только английским властям, но и мне, простому путешественнику, ничего бы не стоило.

Японцу в Индии скрыться трудно.

«Переодеться индусами», как они переодеваются китайцами, невозможно.

Тип не тот.

Индус сразу, с одного взгляда, узнает:

— Это бенгалец... Это малабарец... Это тамил из Мадраса... Этот из Раджапутаны... Это марат...

Индус, жёлто-лимонный, с приплюснутым носом, с маленькими глазками, — за таким индусом бегали бы толпы.

Иностранцу невозможно скрыться ни в индусском городе ни в индусской деревне.

Индус, это — наш раскольник.

Как-то летом мне пришлось проезжать по раскольниковой деревне.

Я обратился к молодой, стоявшей около избы:

— Умница, вынеси воды напиться.

Баба отвечала нараспев и добродушно:

— Мила-ай! Поганой посуды нетути.

Но сжалилась. Вынесла ковш:

— На уж, так и быть. Погань!

Самый несчастный индус не принял бы приглашения, если бы вице-король Индии пригласил его отобедать.

Он опоганился бы.

После этого он потерял бы касту и сделался парией.

Всякий иностранец для него — человек вне касты.

Он может ему дать пить только наливши из кувшина в подставленные пригоршни.

Может дать есть на пальмовом листе, но за порогом своего дома.

Не может дать ему ночлега.

Иностранец может найти себе приют только среди парий.

При таких условиях иноземному агитатору спрятаться трудно.

Никто никаких мер против японской пропаганды в Индии не принимает, потому что никакой такой пропаганды в Индии нет.

Эта легенда — дым без огня.

Англичане в Индии, напротив, всячески возвеличивают Японию, потому что это подрывает в индусах уверенность в страшной силе России.

Английские газеты в Индии беспрестанно сообщают «отрадные известия»:

— В Дели, в Агре мусульмане совершают богослужения о даровании победы японцам.

— Из Калькутты пишут, что местные брамины совершают жертвоприношения о победе японцев над русскими войсками.

Что мусульмане-индусы молятся о победе японцев — в этом нет ничего удивительного.

Мусульмане в Индии, их 62½ миллиона, признают своих раджей. Мусульмане в Индии, хоть и не совсем охотно, признают английские власти.

Но истинный повелитель для мусульман в Индии турецкий султан.

Для них он калиф, наместник пророка, верховный глава всего мусульманского мира.

Мусульмане Индии гораздо либеральнее по части искусства, чем другие магометане.

Кораном запрещены изображения людей: статуи и портреты. Но в Индии мусульмане портреты допускают.

И самая распространённая лубочная картина в мусульманских частях Индии, это — портрет турецкого султана.

Его вы увидите почти в каждом мусульманском доме. Чаше, чем портрет короля Англии и императора Индии.

Портреты султана продаются на всех базарах.

И турецкое правительство, разумеется отлично знает обо всём этом и пользуется обстоятельствами.

Связь между Турцией и мусульманской Индией не прерывается никогда. Турция имеет массу своих эмиссаров среди мусульманского населения Индии.

Если бы калиф поднял зелёное знамя пророка, — знамя священной войны всех мусульман всего мира против всех неверных, — это стоило бы Англии страшных смут, колоссальных кровопролитий, если даже не потери Индии.

Турция держит в своих руках магометан Индии.

Вот, быть может, объяснение, почему Англия «мирволит» Турции.

И, тайно подстрекая всех восстающих турецких подданных, открыто никогда не становится против Турции.

Во время греко-турецкой войны известия с театра военных действий читались мусульманами с таким интересом, словно воевали они сами.

— Ни других разговоров ни других интересов не было!

Мусульманское население подавало вице-королю петиции за тысячами подписей для передачи центральному английскому правительству:

— Желания мусульманского населения.

Магометане Индии просили и надеялись, что Англия «и в греко-турецкой войне будет следовать своей обычной политике относительно Турции, окажет ей свою могучую помощь и уж, во всяком случае, не станет на сторону её врагов».

Для мусульман Индии — Россия вековечный враг Турции, «враг ислама».

И совершенно естественно, что мусульманское население Индии желает поражения России и возносит об этом моления Аллаху.

Совершенно естественно также и объясняется чисто религиозными причинами, что индусы, исповедующие браманизм, — их 208 миллионов, — симпатизируют в войне Японии.

Буддист для них гораздо ближе, чем христианин.

Будда, по их верованиям, одно из воплощений вечно воплощающегося бога Вишну.

В храмах бога Вишну вы найдёте фигуры Будды, чтимые так же, как фигуры Кришны и Рамы, — другие воплощения Будды.

В старых буддистских храмах они поклоняются статуям Будды, чтя в нём воплощение бога Вишну.

Но в «отрадных известиях» о жертвоприношениях за японцев есть одна характерная черта.

Все они всегда начинаются словами:

— Из Калькутты сообщают, что там...

Бенгальцы считаются самым презренным народом в Индии.

Их репутация — репутация трусов, предателей, «низко рождённых людей».

Последний нищий в Бенаресе с презрением смотрит на брамина из Калькутты. Считая себя «выше рождённым, чем бенгалец».

Верх оскорбления: пария из Раджапутаны не сойдёт с дороги при встрече с бенгальским брамином.

Формула в Индии такова:

— Лучший способ выразить лояльность по отношению к Англии, это выражать симпатии японцам.

И нет ничего удивительного, что бенгальские брамины, по свойству их натуры, спешат забежать вперёд и засвидетельствовать свою особую преданность Англии:

— Мы даже молимся за японцев.

Вообще же индус, если б он даже захотел молиться о даровании победы японцам, очутился бы в большом затруднении.

Кому молиться?

Брама. Но ему вообще молиться нельзя. Создав мир, он пребывает в вечном блаженном покое, не зная ни радости, ни горя, ни милости, ни гнева. По всей Индии, среди миллионов индийских храмов, есть только где-то один, посвящённый богу Бrame.

Ему не надо ничего. Не надо и молитв. Он им не внимлет в своём божественном покое.

Бог Вишну. Но его задача охранять и усовершенствовать существующее, воплощаясь. Он то избавляет живущее от опасностей, то подаёт пример, как жить.

Он не знает войны, потому что не знает, что такое смерть.

— Нет убивающих и нет убитых, — говорит Вишну, — потому что душу убить нельзя.

Бог Шива. Страшный бог разрушения и радостный бог возрождения.

Но ему есть одна молитва.

Надо заломить руки над головой, словно защищаясь от готовящегося страшного удара, и повторять:

— Шива, и аннама!

«Шива, пощади нас!»

А женщины поклоняются циничному, бесстыдному символу этого бога и возлагают на него цветы, прося о рождении детей.

Больше никаких молитв богу Шива нет.

Есть на индусском Олимпе второстепенное божество — сын бога Шива, Сканда, которого с натяжкой можно назвать богом войны.

Он повелитель добрых духов и сражается с ними против злых.

Но у него нет даже самостоятельных храмов.

Его десятиголовое изображение, благословляющее двадцатью руками, помещается в храмах бога Шива.

И пред изображением бога Сканда я нигде во всей Индии не видел цветов.

И на вопрос:

— Делают ли ему жертвоприношения?

Мне везде отвечали:

— Нет.

— А о даровании победы японцам?

Этот вопрос возбуждал только недоумение.

Симпатии индусов к японцам не идут так далеко, как симпатии сингалов на Цейлоне.

Индия, равнодушная ко всему, что не касается религии и каст, равнодушна к войне. Так же, как эти 200 миллионов были равнодушны даже к восстанию сипаев.

Они симпатизируют Японии, — да. Прежде всего потому, что боятся России:

— Россия придёт и разрушит наши храмы, а нас всех заставит принять христианство. А при англичанах всякий спокойно исповедует ту религию, какую хочет.

От севера до юга вы всюду слышите этот ответ.

Они симпатизируют Японии, как мы симпатизировали бурам.

— Такой маленький народ, и так мужественно борется с такой огромной державой!

От них, да, впрочем, и от людей Запада, которые видят в войне Японии с Россией борьбу Давида с Голиафом, совершенно ускользает то, что какие же японцы буры?

Что общего между бурами с их единственным «длинным Томом» и японцами, которые «не жалеют снарядов» для своей грандиозной артиллерии?

Что общего между горсточкой людей и страной с пятьюдесятью миллионами населения?

Это сентиментальное представление «маленькая» очень помогает Японии в общественном мнении и симпатиях Запада и Востока.

Но как ни умиляет Восток эта «маленькая», Восток в умилении не заходит слишком далеко.

Я беседовал с сотнями индусов, и от всех на вопрос:

— Кто же победит в конце концов?

Слышал тот же ответ, что и в Турции, что в Египте:

— Россия вот!

И для наглядности расставленные руки.

— Япония вот!

И чуть не мизинец.

— Россия задавит Японию.

В этом сомнения у Востока нет.

- Вход в индусский храм.
- «Озеро золотой лилии» в храме богини Минакши в Мадуре (юг Индии).
- Бенарес. Берег Ганга с храмами, дворцами и купальнями для священных омовений.
- Утренняя сцена. Толпа индусов в реке. Священное омовение.
- Джайпур. Древняя столица.
- Джайпур. Торжественный въезд раджи.
- Священная процессия в честь бога Шивы.
- Приготовление к сожжению трупа индуса-брамина.
- Индус-музыкант, поклонник бога Вишну.
- Индус-студент мадрасского университета. Приготовления к экзаменам (работая много, они привязывают себя за волосы к гвоздику в стенке, чтобы не заснуть).

- Ворота в Дели.
- Тадж-Махал. (Гробница любимой жены одного из Великих Моголов).
- В Агре. Мечеть во время большого мусульманского праздника.
- Хайдарабад («Независимое» государство Индии). Мост перед городскими воротами.
- Улица в Хайдарабаде.
- Дворец Низама, раджи Хайдарабада.
- «How do you do?» Встреча Низама, раджи Хайдарабада, с английским принцем. (Согнувшийся с низким поклоном «независимый» раджа).

Австралия и война

От теперешней войны больше всех выиграла... Австралия.

Но прежде всего позвольте сказать несколько слов об этих далёких людях, которых у нас знают очень мало.

В Коломбо, в клубе, — там членами и мужчины и женщины, — жена одного коммерсанта, родом австралийка и потому прелестная особа, беседовала с иностранцем.

Он её расспрашивал:

— Ваш батюшка родился в Австралии, а ваш дед?

Австралийка весело и звонко рассмеялась:

— Никогда, сэр, не расспрашивайте австралийца о предках. В конце концов всегда найдётся каторжник!

Английское общество, в котором происходил разговор, было страшно шокировано.

— Жена такого солидного торговца чаем, — и вдруг сознаётся в таком родстве!

— Так бесцеремонны могут быть только австралийки.

Ничто так не шокирует всех, как правда.

В каждом австралийце течёт хоть капля крови английского каторжника. Это потомки английских «сахалинцев». Австралия была когда-то английским Сахалином.

Этим объясняется, быть может, многое в их истории.

Наследственность не могла не отразиться.

Австралийцы жизнерадостны, грубы, веселы, бесцеремонны, простодушны и совершенно лишены английской сдержанности.

С австралийцами я много встречался на Востоке, а в конце концов попал в их общество.

Я возвращался на колоссальном австралийском пароходе «Marmora», и к моим услугам для наблюдений было четыреста пассажиров 1 класса.

Тут были депутаты австралийского парламента, адвокаты, доктора, епископ, инженеры, богатые землевладельцы, золотопромышленники, миллионеры, торговцы шерстью.

Когда пароход приходил в порт, всё это кидалось, сломя голову, читать телеграммы, которые вывешивались на лестнице около столовой.

— Что нового о войне?

Всё это только и говорило, что о войне.

Отличное поле для «коммерсанта из восточных провинций Пруссии», чтобы узнать откровенные мнения австралийцев о России.

Австралийцы у себя дома живут весело.

«Не дураки выпить» и страстные спортсмены.

— Когда разыгрывается большая партия в крикет, гольф или футбол, это для Австралии куда большее событие, чем выборы в парламент. Тогда, кроме крикета, гольфа или футбола, никто ни о чём не говорит!

Австралийцы всегда «мирно сражаются» где-нибудь в «говорящем по-английски уголке земного шара».

Партии в крикет «Австралия — Англия», или в гольф «Австралия — Южная Африка», или в теннис «Австралия — Америка», «Австралия — Индия», разыгрываются непрерывно.

И австралийские газеты, по бешеному тарифу, получают целые столбцы каблеграмм «с театра военных действий».

— Мировая победа Австралии в крикете!

— Нам наносят поражение в поло!

Все австралийские газеты имеют вид спортивных органов. Три четверти газеты об играх, четверть на всё остальное.

Австралийцы считаются большими спортсменами даже среди англичан.

Они ездят целыми компаниями в сотню человек играть в мяч на юг Африки, в Чикаго, в Шанхай, Лондон, Калькутту.

Это беспечальное житьё отравляется одним обстоятельством:

— Мало женщин!

В Австралии трудно жениться. Женщина в Австралии делает блестящую карьеру.

Горю австралийцев помогают лондонские свадебные конторы.

Их агенты набирают «заказов» от австралийцев, жаждущих утех семейной жизни, — и конторы отправляют целые пароходы невест.

В сколько лет тому назад я встретил в Порт-Саиде такой жизнерадостный пароход.

Все палубы были словно убраны цветами. Шляпки, платья.

Все, кроме команды, женщины.

Они махали встречным пароходам платками, пароход звенел хохотом, и воздух дрожал от женского визга:

— Hip, hip, hoora![8]

Это был пароход, целиком зафрахтованный свадебной конторой под невест для Австралии.

Если вы спросите у человека, бывшего в Австралии, что за народ австралийцы, он вам прежде всего ответит:

— Богатый.

Австралийцы совершили чудовищное преступление. Они убили целый народ.

Теперешний состоятельный австралиец видел если не всё, то многое.

Картинные галереи Европы, заводы и фабрики Америки, Grand-Prix[9] в Париже, Ниагарский водопад, египетские пирамиды, грандиозную статую Будды в японской Камакуре.

Он не видал только одного: живя в Австралии, не видал австралийца-туземца. Перепись в Сиднее нашла, где-то в трущобе, всего-навсего... десять туземцев. В Мельбурне не нашли и того.

Австралийцы-англичане в борьбе с туземным населением не прибегали к обычным цивилизованным приёмам. Не отравляли их алкоголем, не ждали, пока туземцы вымрут от занесённой европейцами дурной болезни.

Потомки каторжан, они прибегли к способу более простому и решительному. Они их «умерщвляли», — как выражался на суде один преступник, убивший мать и сестёр.

Туземцев уничтожали «карательными экспедициями».

Если у кого-нибудь из английских фермеров пропадал баран, — всё окрестное туземное население «за круговой порукой» оказывалось виновным в грабеже и нападении на белых.

Шли и «подавляли мятеж»: истребляли всех.

Существовала охота на чёрных.

— Особое внимание обращается на истребление самцов! — писал очевидец-англичанин, возмущённый тем, что творилось вдали от цивилизации её именем.

В Австралии можно было делать что угодно. Кто узнает, что делается в Австралии!

Злая молва добавляет, что «в спорте на чёрных» принимали участие и белые дамы.

Но они выбирали себе дичь по силам и стреляли по женщинам и детям.

В результате — туземцы уничтожены, а те, кто остался, загнаны в непроходимые дебри.

Австралийский работник освобождён от конкуренции дешёвых чёрных.

В настоящее время Австралия, это — преступник, совершивший преступление и умело пользующийся его плодами.

Цены на рабочие руки в Австралии огромные. Зарботки большие.

— Крупнее даже, чем в Америке! — гордятся австралийцы.

И при дешевизне австралийской жизни, — Австралия страна мяса, хлеба и масла, — у всех остатки.

Австралийцы — богатый народ.

И они охраняют своё благополучие. Их девиз:

— Белая Австралия.

Они совершенно не пускают к себе китайцев:

— Кули подорвут цены.

Они даже неохотно пускают к себе европейцев. С большими трудностями. Требуют, чтоб каждый эмигрант представил в наличности довольно крупную сумму, почти невозможную для эмигранта.

— Мы желаем иметь гарантию, что он состоятельный человек и не пойдёт, с голода, наниматься работать за что попало! Нам этих голодных не нужно. С голодными сам сделаешься голодным! Все цены собьют.

Американские затруднения для эмигрантов ноль в сравнении с австралийскими.

Японцев, как и китайцев, австралийцы не допускают к себе совершенно.

— Торговцев? Мы сами желаем получать доходы. Рабочих? Нам не нужны конкуренты, довольствующиеся горсточкой риса.

Они сочувствуют сейчас японцам изо всех сил и расхваливают их в газетах, — но к себе пустить...

Все старания токийского правительства выхлопотать для японцев право селиться в Австралии разбились о категорическое заявление австралийцев.

— Австралия должна быть белой!

Это — любовь издали.

Когда, в самом начале войны, австралийские доктора и волонтеры предложили свои услуги японцам, — японцы почему-то отказались.

— Это они сердиты, что мы не пустили их к себе! — посмеялись австралийцы;
— выказывают таким способом обиду!

На двух китах держится Австралия:

— Принцип: белая Австралия.

— Государственная собственность.

Все общепользные учреждения должны принадлежать государству: государственные дешёвые железные дороги, государственные дешёвые дома для рабочих и т. д.

Австралия — счастливая страна.

Она почти не знает, что такое военные расходы.

Она платит известную, небольшую, сравнительно, сумму Англии за охрану Австралии английским флотом, — и это всё.

Австралия «в стороне от мира»: она сама ничего не хочет захватывать, ни ей никто не грозит.

Добыв благополучие ценой преступления, она желает пользоваться этим благополучием во всю.

Отсутствие военных расходов позволяет не брать тяжких налогов, и остающиеся свободными деньги идут на устройство путей сообщения, развитие образования, улучшение благоустройства городов и всей страны.

И вот с десятков лет тому назад над этим благополучием нависла страшная гроза:

— Япония.

Япония задыхается в тесноте. Японии нужен куда-нибудь выход.

Япония начинает метаться.

Первый её скачок на Китай.

Япония сжалась и тигром прыгнула на Китай. Китайская кровь полилась у этого тигра из-под когтей.

Япония уцепилась на материке.

Но вмешалась Россия, — и Япония сорвалась.

На материке удержаться не удалось.

Вторым её прыжком был прыжок на Сандвичевы острова.

— Сандвичевы острова должны присоединиться к нам! — объявила Япония в 1897 году.

Прыжок был смел, — но тигр наскочил на железо.

И должен был отпрянуть назад.

У Сандвичевых островов из дали океана подошла и выросла американская эскадра. А за ней стояла Америка, сильная, богатая, страшно богатая.

— Всю торговлю на Великом океане обрежем в случае войны. Умрёт с голода.

Тигр снова должен был съёжиться на своём маленьком-маленьком клочке земли и, выгнув спину, приготовившись к скачку, выглядывал:

— Куда бы теперь прыгнуть?

— Если бы Япония не прыгнула на Россию, она прыгнула бы на нас! — таково убеждение австралийцев, их общества, политических деятелей, печати, народа.

Австралия услышала ласковое мурлыканье тигра:

— Пустите меня. Я мирно буду отправлять к вам своих детей.

Но ответила:

— Австралия для белых.

После неудачи мирного нашествия можно было ожидать военного.

И десять лет, с тех пор, как Япония начала задыхаться в тесноте и метаться, — грозная туча над Австралией становилась всё чернее и чернее.

Австралийцы ждали, что удар разразится на них.

Богатейшая и беззащитная, в военном отношении, страна перед страной воинственной и военной, которой нужно завоевание.

— Как беззащитная? А Англия?

— Вы, конечно, знаете, что принадлежность Австралии Англии чисто номинальная. Австралия совершенно самостоятельное государство. И Англия давным-давно перестала считать её своей. Вплоть до бурской войны Англия даже тяготилась Австралией. Англия не любит «колоний», которые ей ничего не приносят. Только когда австралийцы помогли Англии в борьбе с бурами, Англия увидела, что и Австралия ей может быть полезна. До войны с бурами Англия палец о палец не ударила бы, кто бы ни вздумал взять себе Австралию: «их дело, самостоятельны, пусть и защищаются, как знают, сами». Неужели

вы думаете, что Англия стала бы тратиться на защиту чужой, ей фактически не принадлежащей страны?

— Но после того, как Англия убедилась, что узы, соединяющие её с Австралией ей нужны...

— Отлично, Англия вступилась бы за Австралию. Но расходы по защите страны кому бы пришлось платить? Австралии. Не всё ли это равно: своё войско и флот содержать или за наём чужого платить?

Японская туча скоплялась и скоплялась над Австралией, и Австралия с ужасом ждала:

— Вот-вот разразится ураган, который сметёт всё наше благосостояние, купленное такой дорогой ценой!

Австралийцы могли бы прибавить: «и страшной ценой», но это им не приходит даже в голову.

Они с ужасом ждали:

— Начнутся военные издержки!

И тогда прощай, счастливое незнание тяжких налогов, благоустройство, просвещение, превращение общепользовательных предприятий в общественную собственность.

Как вдруг страшный удар, которого с ужасом ждала Австралия, обрушился на Россию.

Только 27 января этого года Австралия в первый раз вздохнула свободно.

Грозный признак милитаризма пронёсся над головой, не затронув. Благосостояние спасено.

«Коммерсанту из восточных провинций Пруссии» австралийцы говорили откровенно и весело:

— Эта война для нас беспроигрышная лотерея. Победит Япония, — она найдёт себе выход на материк, следовательно, мы обеспечены от нападения и нашествия. Победит Россия, — Япония будет так ослаблена, уничтожена, что мы долго-долго можем быть спокойны.

Кроме этого, надо считать ещё материальные выгоды, которые имеет Австралия от войны.

Поставка для Японии провианта и лошадей.

Австралия, страна скотоводства, поставляет лошадей на весь Восток.

Австралийские лошади скачут там всюду на скачках, на австралийских лошадях ездит кавалерия в Индии, австралийскими лошадьми, наравне с арабскими, полны грандиозные конюшни раджей, на австралийских лошадях катаются «джентльмены» в «dog-car'ax[10]» в Индии и Китае, на австралийских лошадях перевозят тяжести.

Австралийская лошадь короче английской, но резва, сильна и вынослива.

Я спрашивал об австралийских лошадях у специалистов, — спортсменов и военных. Они отзывались с величайшей похвалой.

Цены на австралийских лошадях сейчас очень поднялись.

Причина — огромные отправки в Японию.

И до тех пор, пока наша эскадра, или наши крейсера не перережут дороги между Австралией и Японией, — Япония обеспечена и для кавалерии и для артиллерии превосходными лошадьми.

Все симпатии австралийцев на стороне Японии.

— Конечно, — деловито рассуждают австралийцы, — для нас было бы выгоднее, чтоб победа осталась за Японией. Победят её, обессилит, — она поправится, и хоть через много лет, а опасность всё-таки будет грозить нам. А найди Япония себе выход на материк, — мы совсем спокойны. У неё совсем не будет надобности в Австралии.

Австралийская пресса изо всех сил поддерживает «национальные надежды».

Нигде столько не печатается о победах японцев. И нигде эти победы не являются столь решительными и блестящими.

Почитав три дня австралийские газеты, — а их на всём Востоке получается очень много, — можно прийти к убеждению, что война, в сущности, уж кончена. У России всё разбито и всё потеряно.

Но английский читатель — самый умный читатель. Он отлично знает, насколько надо разделить сообщение «его газеты».

— Это вот надо разделить на пять, чтоб получить истину. Пишут: русские потеряли 500 человек, — значит, сто. Газеты должны писать, что пятьсот, это гораздо интереснее.

— Это известие не мешает разделить и на десять.

Австралийцы знают свою печать:

— Их дело «make very great boom».

«Делать большой шум».

— Как американская печать?

— Ну, нет. Больше. Мы народ веселее и живее. Нам надо «boom'а» больше, чем американцам.

И австралийцы далеко не так радостно смотрят на «близость поражения русских», как австралийские газеты.

— А всё-таки, вернее, победит Россия.

— Да почему же?

— Японцы бедны.

И лицо австралийца делается презрительным.

Разве с такими запасами начинают войну! Что это за займы? 5 миллионов фунтов — заём!

И в этом слышится презрение богатых, — прежде всего, «богатых», — людей к каким-то грошовым расчётам.

— Заём в 5 миллионов фунтов!

Это заставляет их презрительно пожимать плечами:

— Сколько стоила Англии война с бурами? С какими-то бурами!

Люди, делающие такие «грошовые» займы на такое большое дело, прежде всего, по мнению богатого австралийского народа, не солидны. Он не оказывает им кредита в таком солидном деле.

И, несмотря на всё желание победы Японии, австралийцы в неё не верят и утешаются мыслию:

— Не победит, так будет побеждена. Обессилеет, — мы всё-таки в выигрыше.

Как далеко заходят симпатии австралийцев к Японии?

— Да уж чего же дальше! Люди готовы положить жизнь свою за Японию. Ваши доктора, ваши волонтёры...

Австралиец перебивает вас:

— Не забывайте: предложили себя доктора и волонтёры, принимавшие волонтёрами участие в войне против буров.

— Что ж из этого?

— А! Это очень важно. Это спорт.

— Как спорт?

— Всюду есть люди, которым нравится мирная жизнь, и люди, которым нравятся приключения, опасности, борьба. Они съездили в Трансвааль, им понравилось. И они желают ехать опять на войну. Это спорт. Очень понятно!

— Вы не считаете их истинными представителями настроения Австралии?

— Идти на войну — настроение Австралии?! Австралиец относится с отвращением к военному делу. Мы любим наше благополучие и наслаждаемся им. Но мы все спортсмены. Нам нравятся гольф, крикет, поло, скачки. Им — война. Всякий занимается своим спортом!

Таковы взгляды и настроения этой далёкой страны.

Логика Азии

«От Босфора до берегов Тихого океана и от полярного круга до Гималаев престиж русской силы пал!» — возвращаясь в Европу, прочёл я в одной из английских газет.

А в наших газетах я встречал вздохи:

— Нам нужна крупная и яркая победа, что заговорят тогда на азиатских базарах?!

Или радостные замечания по поводу каждого потопленного японского судна:

— Что теперь будут говорить в азиатских кофейнях?!

Я думаю, что военачальник, который интересовался бы, что о нём говорят в кофейнях, был бы странным военачальником.

И уж, конечно, составляя диспозицию кампании, военачальник меньше всего думает:

— Что об этом скажут на рынке?

Фраза «от Босфора до Тихого океана» красива, но преждевременна.

Надо подождать конца войны.

Мы, европейцы, имеем не верное представление об азиатах.

Мы думаем, что ум их состоит из одной фантазии, и что поэтому надо действовать на воображение азиатов.

Фантазия и воображение?

Но скажите, почему же восточные люди необыкновенно способны в самой практической области, там, где фантазия и воображение совсем уж не при чём — в торговле?

Восточные люди — отличные торговцы. Это знают все.

Спросите у европейцев, жадных и алчных, торгующих в Турции:

— Легко ли надуть турка?

— Турка? Турок сам всякого надует!

В Китае не могут торговать евреи, сами восточный народ и способный к торговле, китаец оберёт и еврея.

Попробуйте обобрать араба, торговца-индуса, надуть сингала.

Да, восточные люди любят «нюхать цветы фантазии».

В Каире торговцы-арабы приглашают дервиша, который рассказывает им сказки из «Тысячи и одной ночи».

Обычная картинка на арабском базаре.

Дервиш сидит на приступке лавочки, поджавши ноги, и нараспев повествует о волшебной лампе Аладдина.

Весь «ряд» слушает его молча, кажется, затаив дыхание.

Слушают хозяева, покуривая кальян. Заслушались приказчики, перебирая куски материи и стараясь делать это тихо, не шуметь. Ремесленники нежно, еле-еле, стучат, выбивая узоры по бронзе. Застыли около лавочек мальчишки-посыльные.

Всё унеслось в область «чародейства красных вымыслов».

Но подойдите купить что-нибудь.

Сказка смолкла, и перед вами не только практичные люди, а прямо жулики.

Обмошенничали, и снова полилась волшебная сказка, и снова умы унеслись в чудесный мир волшебства.

Обычная картина в Индии.

На базаре приглашённый брамин декламирует песнь «Рамаяны».

Декламирует восторженно.

И всё кругом тронута. Тронута глубоко. Вот-вот слёзы брызнут из глаз.

Всех умиляет эта любимая история, история воплотившегося бога Вишну.

«И сказал Рама прекрасной подруге своей:

— Сита, освобождённая мною от власти тирана, повелителя Цейлона, верна ли ты осталась мне в плену?

И ответила Сита:

— Повелитель! Я не знала других объятий, кроме тех, по которым тосковала, объятий твоих!

— Сита! — сказал ей Рама, — сердце моё горит! Ты слаба, как тростинка, как цветок. Тиран Цейлона — чудовище. Быть может, силой ? Быть может, хитростью он сорвал цветок?

И отвечала ему Сита с ясными глазами:

— Нет, мой повелитель! Ни когда я бодрствовала, ни когда я спала, никто не приближался к твоему ложу, потому что моё ложе принадлежит только тебе!

— Испытаем её! — сказал Рама.

И мучитель, мучимый сам, он приказал испытать Ситу огнём.

— Обложите её костром и зажгите костёр! — сказал он.

И когда костёр сгорел, среди кроваво-красных угольев стояла Сита.

И сказала Сита, покраснев не от жара огня, а от стыда испытания:

— Милый супруг мой! Что же за испытание ты выдумал мне? Ты приказал обложить меня красными лотосами. Они тянулись ко мне своими лепестками, и я слышала их благоухание. Из такого испытания самый виновный вышел бы невинным.

И сказал ей Рама:

— Жена моя! Твоей прекрасной груди не касалась ничья грудь! Приди же в объятия мои! Имя Сита будет среди людей означать верность.

И прекрасная Сита...»

Но в эту минуту к заслушавшемуся торговцу подходит, кланяясь, шудра.

Попросить фунт сахара в долг.

Торговец ведёт с ним тихий разговор, в пол уха слушая шудру, в пол-уха боясь проронить хоть слово в истории прекрасной Ситы и воплотившегося бога.

И горе шудре, который подойдёт к торговцу, умиляющемуся историей Ситы!

Слушая с замиранием сердца божественные слова Рамы, он продиктует шудре свои условия.

И горе шудре, взявшему в долг фунт сахарного песку.

В назначенный срок с него не возьмут денег, а припишут за ожидание вдвое. И в новый срок скажут: «Не беспокойся платить», и только утроят долг. И так до тех пор, пока долг не вырастет в 10—12 рупий[11].

Тогда с ним заключат условие:

— Будучи должен такому-то и не имея возможности заплатить, обязан работать на него, или на кого он прикажет, я, моя жена, все мои дети, получая от него только прокормление. Этот договор на всю жизнь; от него может избавить меня только уплата всего долга со всеми процентами.

Его заставят исполнять грязные работы, он потеряет за это даже свою невысокую касту, превратится в парию и станет совсем уже беззащитным и бесправным существом.

Его дочь продадут в город на позорный промысел в уплату процентов.

Он станет рабом... за фунт мелкого сахара.

В азиатке в непостижимом согласии уживаются рядом две натуры.

Он фантазёр, мечтатель и поэт в душе. Но чуть коснулось дела, он «здрав» прямолинейно до цинизма.

От одной только логики, не смягчённой ничем, можно задохнуться. Как люди задыхаются в чистом кислороде.

Логика азиатов такова.

Это прямолинейная, здравая логика, практическая, лишённая какого бы то ни было чувства и «сентиментальности».

Это и делает из азиатов безжалостных воинов и безжалостных ростовщиков.

Он равнодушен ко всему, кроме результата.

С цинизмом он говорит:

— Я ценю только последствия.

Таков этот «фантазёр» в делах.

Россия, по их мнению, грозит всему Востоку. А потому война России — дело. А в делах азиат практичен.

Это у нас, у европейцев, много воображения.

Мы можем увлекаться красотой «дела», лихостью, самоотвержением, самопожертвованием.

Для практичного азиата всё это не играет никакой роли:

— Важен результат!

Никакой блеск никакой отдельной победы не важен азиату. Он смотрит:

— Чем кончится.

Наш престиж в Азии — это не престиж «лихости».

Они не видят в нас ни лихих джигитов, ни безумно храбрый народ воинов.

Престиж России в умах азиатов, это — престиж колоссальный, стихийной силы.

Престиж океана, которого не вычерпаешь.

— Убей десять, придёт сто. Убей сто, пришлют тысячу. Убей тысячу, вырастет десять тысяч. Когда убьёшь десять тысяч, ты погиб, — вырастет сто.

— Россия, в конце концов, задавит Японию.

В этом «в конце концов» наш истинный престиж в глазах Азии.

И то, что враг России силён, искусен, храбр, не может подорвать этого престижа России.

Даже получая известия о взятии японцами Порт-Артура, азиаты, при всех симпатиях к японцам, при всём восторге от их ловкости и храбрости, добавляют:

— А всё-таки, в конце концов, Россия задавит Японию.

И то, что она задавит, в конце концов, самого сильного, самого храброго, самого искусного из врагов, какого только может выставить Азия, — в этом будет увеличение и укрепление её престижа в Азии, её репутации:

— Стихии.

На востоке у нас нет друзей. На востоке все нам враги. Нас боятся и ненавидят.

Но ненавидят с ужасом, как можно ненавидеть враждебную стихию.

И вера в стихийную силу не исчезла и не поколеблена, потому что все восторги Японией в Азии кончаются припевом:

— А всё-таки, в конце концов, Россия задавит Японию.

Китай и война

Как относится к войне Китай?

В Китае я не был, но бог путешественников помог мне.

Я встретился и провёл шесть дней в обществе самого интересного из 400 миллионов китайцев.

Это Канг-Ю-Уэй, один из величайших людей в мире, не только задумавший возродить к новой жизни 400 миллионов людей, но и выработавший программу, как это сделать.

Великий реформатор Китая, друг императора, он должен был бежать накануне начала своего дела, потому что вдовствующая императрица захватила в свои руки власть.

Шесть лет он живёт в изгнании, но, конечно, не прерывает сношений со своей страной. Теперь больше чем когда-нибудь: чем старше императрица, тем ближе возвращение Канг-Ю-Уэя и торжество его дела.

Каждый день всё более и более приближает его к Китаю.

Он не может не иметь точных сведений о своей стране.

Теперь он ехал из Японии в Лондон.

— Каково мнение Китая о войне? — спросил я Канг-Ю-Уэя через переводчика, его секретаря.

— Китай совершенно не интересуется войной.

— ?!?!

— Мои друзья сообщают мне, что население совершенно не занимается разговорами о войне. Китайцы не выказывают к ней решительно ни малейшего интереса, как будто это происходит где-то на другой планете.

Речь идёт, конечно, не о смежных непосредственно с театром войны местностях, а о том 400-миллионном Китае, который один только интересен и страшен.

— И это совершенно в нравах китайского народа! — пояснил Канг-Ю-Уэй, — у нас жители одного города не интересуются даже знать, что происходит в другом, расположенном на противоположном берегу, через реку. Не в нравах Китая интересоваться далёкими и общими делами. Интересуются тем, что делается в городе, самое большое — тем, что делается в провинции. Но дальше дел своей провинции интерес не идёт.

— Но интересы всего Китая?

— «Китай» — такого представления пока ещё нет в уме китайца. Он знает свою провинцию, её обычаи, её порядки, её торговлю, её земледелие, а чтоб у этой провинции было что-нибудь общее с другой, он не думает. На соседнюю провинцию он смотрит, как вы на другое государство.

При таких условиях говорить о «жёлтой опасности», о подъёме всего Китая, немного рано. Более рано, чем о союзе всей Европы.

— Но мнение всех, кто всё-таки интересуется событиями? Они держатся какого мнения об Японии? — спросил я.

Секретарь «великого китайца» перевёл мне его ответ двумя словами:

— Small nation.

«Маленькая нация».

Слышался представитель 400-миллионного народа.

— Это общее мнение китайцев об японцах.

— Но такого же мнения держался Китай об Японии и в 1894 году, — заметил я, — на войну с Японией смотрели, как на усмирение взбунтовавшихся островитян. Китайским генералам было приказано окончить усмирение не далее, как в месяц.

— С тех пор Япония не стала же больше.

Несмотря на поражение, взгляд великана «свысока» остался.

— Да и теперь Япония имеет другого врага! — добавил Канг-Ю-Уэй.

Он говорил со мной без любезностей, принимая меня за немца, и это имело особую цену в его словах.

— Россия не Китай в военном отношении.

Я спросил его об настроении в Японии.

Канг-Ю-Уэй улыбнулся:

— В Японии все уверены в победе. Но можно ещё очень весело обедать в ту минуту, когда над головой проваливается крыша. Будут ли люди обедать, когда она рухнет ?

Таково мнение «величайшего из китайцев» и, по его словам, Китая.

Истинный престиж России

Когда эти очерки печатались в газете, я получил от одного англичанина письмо с возражением.

Он пишет:

— Противоречить логике утверждать, будто неудачи русских в войне с Японией совсем не оказали никакого влияния на престиж русской силы на Востоке. Нет, фраза «от Босфора до Тихого океана, от Полярного круга до Гималаев престиж русской силы поколеблен» не преждевременна. К ней следует прибавить только три слова: «И за Гималаями», в Индии.

Я пользовался 5 месяцев гостеприимством англичан и, не будучи другом этих людей, глубоко их уважаю за ум.

Я не хочу оставить письма англичанина без ответа, и так как вопрос полон общественного интереса, отвечаю печатно.

Англичанин рекомендует мне:

— «Подумайте спокойно и обсудите *sine ira et studio*[12]».

России предстоит ещё много дела в Азии. Престиж России на Востоке поэтому такое важное дело, что о нём и нельзя иначе говорить, как спокойно.

Будем говорить *sine ira et studio*[12].

Как только и подобает рассуждать о делах величайшей важности.

Если отдельные неудачи могут иметь такое решающее значение для падения престижа в глазах «азиатов», то каково же было бы положение Англии после бурской войны?

Что должно было остаться от её престижа?

Что должно было подняться в её «покорённых» владениях?

Обстоятельств бурской войны нет надобности напоминать.

Великолепно вооружённая европейская армия два года не могла справиться с горстью «каких-то пастухов».

Потребовалось послать всех лучших вождей.

Потребовалась помощь всех колоний.

В конце концов, на войну против женщин, против детей пришлось посылать самого лорда Китченера!

Поражения следовали за поражением. И какие.

Какой уж тут престиж!

Следовало ожидать, что весь Восток скажет:

— Ну, что ж это за военная страна!

Покорённые, но воинственные народы устыдятся, что сносили гнёт таких победителей.

И восстание, казалось бы, должно было вспыхнуть повсюду, где англичанами не довольны. А таких мест много.

Однако, вспыхнуло ли хоть одно серьёзное восстание против Англии после бурской войны?

Результаты получились совершенно противоположные.

Ничто так не укрепило престижа Англии на Востоке, как бурская война.

И именно потому, что война была адски трудна для Англии.

— Но зато Англия богата.

Бурская война выяснила Востоку истинную силу Англии:

— Богатство.

Спросите любого «азиата», он вам скажет!

— Где же было Трансваалю бороться с такой богатой страной, как Англия? Они с голоду бы раньше померли, чем победить.

Азиат скажет вам наивно, но верно:

— У англичан мало людей. Но зато много денег. Они наймут! Они привезут издалека!

Это ответы, которые я слышал сам.

И слышал сотни раз. И слышал повсюду.

Я «закидывал удочку»:

— Да ведь англичане плохие солдаты. Бурская война показала.

— Сами плохие, да у них служат хорошие. Богаты. Они свезут отовсюду. Свезут из Индии, свезут из Австралии, свезут из Канады. Не успеешь оглянуться, — привезут. Пароходов имеют много. Не хватит, — сколько угодно купят. Очень богаты.

Всё это на основании «опыта бурской войны».

Восток видел, как богатством задавили храбрость, и ещё больше притих.

Потому что ещё сильнее почувствовал себя бессильным бороться.

Таких богатств в наличности у него нет.

Значит, и мечтать о борьбе нечего.

Вспомните «азиату» про поражение англичан в бурскую войну, и вы всегда получите слово в слово один и тот же ответ:

— Да, но, в конце концов, англичане уничтожили буров!

Словно весь Восток сговорился отвечать одно и то же на этот вопрос.

Это объясняется той прямолинейной логикой азиатского ума, о которой я уже говорил.

Во всяком деле «азиат» ценит только результат. И только по нему и судит.

И престиж Англии не упал, а вырос, несмотря на то, что ничего не найти неудачней бурской войны.

Так ведь то была бурская война! А то война с Японией.

То война с народом в 100 тысяч. То война с государством в 50 миллионов.

Как ни считайте «азиата» наивным, но, при своей-то ещё коммерческой смётке, он понимает разницу:

— 100.000 и 50.000.000

То была горсть храбрецов, то — великолепно снаряжённая армия.

Если уж бурская война не поколебала престижа Англии в глазах Востока, то как же утверждать про японскую:

— От Босфора до Тихого океана, от Полярного круга до Гималаев престиж русской силы уже поколеблен!

Оставим, однако, бурскую войну.

Перейдём к делам наших дней.

Наш пароход стоял в Адене.

Девочка-австралийка, перевесившись смотревшая за борт, вдруг закричала:

— Мама! Мама! Скелеты идут!

Все заинтересовались и заглянули за борт.

По трапу длинной и зловещей вереницей, торжественно и медленно, поднимались на пароход десять скелетов.

Десять скелетов, обтянутых коричневой кожей, старой и потёртой.

На скелетах болтались панталоны и пиджаки, страшно широкие. И ветер играл этими белыми саванами, как парусами.

На черепах были широкие тропические шляпы.

В орбитах у черепов блестели глаза.

Войдя на палубу, скелеты развалились в чужих лонгшезах.

А когда позвонили к обеду, скелеты явились в столовую, сбросили с себя пиджаки, остались в одних рубашках, засучили рукава на обтянутых коричневой кожей костях рук и принялись не есть, а пожирать.

Все мужчины были, по обыкновению, во фраках и смокингах, все дамы — декольте, но никто не выразил никакого протеста против странного поведения скелетов.

Что со скелета спрашивать!

Скелеты только покрикивали:

— Ещё!

Ели молча. И работали челюстями, словно машинами.

А когда дело дошло до пудинга, до великолепного пудинга, пылавшего синим огнём, скелеты сложили себе на тарелки столько, сколько полагалось 40 пассажирам.

И даже улыбнулись.

И даже, мне показалось, щёлкнули зубами, как кастаньетами.

И все глядели на них благосклонно.

И никто не нашёл.

— Shocking[13]!

Это были десять офицеров, возвращавшихся из Сомалиленда.

Они пробыли там два года и одичали.

Что значит «одичать»?

Это не значит «потерять манеры», забыть, что нельзя есть руками, снимать платье за обедом.

Я в первый раз видел, действительно, «одичавших» людей.

Это значит, как говорится в военной службе, «возвратиться в первобытное состояние».

Потерять весь тот мягкий, интеллигентный налёт, который в течение столетий Европа наложила на черты лица белого.

Остались зоологические черты человеческого лица, очень похожего на злое обезьянье.

Что-то животное выступило в складе челюстей.

Глаза загорелись подозрительным и злым взглядом, как у дикого зверя, который способен только спастись или преследовать.

На них смотреть было жутко:

— На что теперь способны эти люди?

Два дня скелеты молчаливыми тенями бродили по палубам, среди нарядной пассажирской толпы.

Между собой не обменивались почти ни словом. За два года похода всё переговорили и друг другу смертельно надоели.

На заговариванье пассажиров отвечали кратко, словно огрызались.

Отвыкли разговаривать с чужими.

Потом скелеты начали постепенно «отходить».

В глазах засветилось что-то общепринятое, европейское: мягкое и даже словно любезное.

Говорить стали более длинными фразами.

Стали совсем было как все.

Но мы проходили Суэцким каналом. Канал пересекает знаменитый «путь караванов из Африки в Мекку».

По берегу тянулся гуськом караван верблюдов, возвращавшийся из Мекки.

Увидев верблюдов, один из скелетов крикнул какое-то арабское слово, которым арабы погоняют «корабли пустыни».

Это вызвало воспоминания.

Все скелеты «ощерились». Иначе нельзя назвать их улыбки.

И на лицах их снова мелькнуло нечто такое, что я не без холодка представил себе встречу арабов с этими скелетами где-нибудь там, в пустынях Сомалиленда.

Много воспоминаний, должно быть, таилось под черепами «скелетов».

Мне хотелось вызывать их на эти воспоминания.

Я заговаривал, ругательски ругая сомалийцев.

— Вот лорд Китченер, тот умеет с этим народом справляться. Тот не нежничает.

Они улыбались.

Но как улыбались!

— Ну, и без Китченера...

Но дальше замолкали, и только по улыбкам, которые бродили по их лицам, можно было догадаться, что за воспоминания носились под черепами у скелетов.

Они возвращались с самого бесславного похода.

Бесславного и брошенного за невозможностью.

Возвращались не после борьбы, благородной, самоотверженной.

Возвращались не с войны.

— Какая ж это война! — говорили они сами с презрением.

Возвращались с охоты, трудной, утомительной, где «дичь» не давалась ни за что.

Возвращались озлобленные:

— Что это было за предприятие! Зачем нас посылали!

На самом деле какой-то «сумасшедший мулла», у которого всё достояние 3000 ружей, оказался непобедимым.

— Сумасшедший-то не мулла! Сумасшедшие в Лондоне! — ругались скелеты из Сомалиленда.

Войска муллы, забравши с собой жён и детей и весь свой скарб, носились по пустыне, как мираж.

Мираж вырастал там, здесь, исчезал, появлялся.

Справа, слева, впереди, в тылу отряда.

— В конце концов, это превратилось в какую-то галлюцинацию! — рассказывали «скелеты», — да существует ли этот мулла? Да существует ли

его армия? Может быть, я сошёл с ума, и мне только кажется какая-то Африка, пустыня. Собственный жар я принимаю за зной солнца. Кругом говорят: «Сумасшедший». Быть может, про меня. А я в больном воображении представляю себе какого-то «сумасшедшего муллу». Мулла вытянул все нервы. Вдруг ночью вскакиваешь: «Войска муллы идут», кругом всё тихо. Днём солнце и сверкающее золото пустыни слепят глаза; смотришь: «Где хоть след их?» Ни чего.

Одно из военных качеств войска «муллы» — умение бегать.

Эти люди, могущие оставаться по два дня без питья, могут бежать целый день или целую ночь без отдыха, с быстротой лошадей, идущих крупной рысью.

Отдыхая в знойный день, они в течение прохладной ночи делали самые изумительные переходы.

Они вдруг исчезали оттуда, где их уж насмотрели и хотели оцепить, и появлялись там, где их никто не ждал.

Они кружили английскую армию по пустыне, завлекая её вглубь, заставляя возвращаться назад.

Водили её как угодно, превосходно уводя от источников вод.

Сомали отлично знают, где вода, сами запасались, а англичан уводили от воды.

Замученная жаждой, зноем, погоней за «миражем», английская армия была в бешенстве.

Не даром люди превратились в «скелеты».

— Хотя бы одно сражение! — с бешенством вспоминали «скелеты», — кажется, настигли, заставим принять сражение. Ещё один переход... Приходим, — голая пустыня. Исчезли... Разве встретишь когда в разъезде кучку отсталых...

И скелет умолк.

Что происходило с «кучкой отсталых»?..

Таков сомалилендский поход.

Что, казалось бы, способнее уронить «престиж».

Бросить дело, не справившись с каким-то муллой!

Однако, ведь англичане не боятся же, что арабы поднимут по этому поводу знамя восстания?

Не увеличивают своих гарнизонов в Египте?

Не считают свой престиж у арабов погибшим?

Пора перестать быть наивными, думая, что наивен Восток.

Что у Востока вместо воображения, — какой-то порох.

Что люди там живут одним воображением.

Восток очень интересуется политикой, но судит о ней здраво и логично.

Для него истинный престиж Англии:

— Богатая страна!

Истинный престиж России:

— Огромная страна!

И тот и другой престиж совершенно целы в глазах Востока, и отдельным эпизодам, даже как бы много их ни было, его не поколебать.

Тибет

Я был в Индии в самый разгар тибетской экспедиции.

В Индии очень много говорили о русско-японской войне. О повышении английских пошлин на индийский чай. О приказе лорда Китченера, в котором он разносил «генеральствующих генералов» и «бездельников-офицеров».

И совсем не было слышно разговоров о Тибете.

Казалось, что в Калькутте, Мадрасе, Бомбее о Тибете думают не больше, чем в Калужской губернии.

— Что за странность?

Мой собеседник в Секундерабаде, англичанин 30 лет, живущий в Индии, — в ответ только пожал плечами:

— Вопрос о Тибете слишком важен, чтоб об нем стоило разговаривать!

— ?!?!

— Тибет должен принадлежать нам. Это вопрос о нашем спокойствии. Следовательно, он и будет нам принадлежать. О чём же тут ещё разговаривать?

Всякому доброму англичанину снится один и тот же сон.

Он поднялся на вершины Гималаев. Туда, где, по сказаниям индусов, с головы бога Шива стекает голубая прозрачная река Ганг.

И к северу, куда ни погляди, на солнце блещет, словно скошенная нива, стальная щетина штыков.

Это русские штыки.

Это английский кошмар.

Он давит англичанина, живущего в Индии, как и живущего в Лондоне, как живущего в Сиднее.

В неприступной стене Гималаев, защищающих Индию от севера, есть две двери.

Белая и жёлтая.

На западе «белая» дверь, через которую шли все великие завоеватели Индии.

Чрез эту дверь пришли арийцы. Александр Македонский. Великие Моголы.

Чрез дверь на востоке, проход Брампутры, спускались в долины Ганга жёлтые племена.

Эти две, «белую» и «жёлтую», двери в стене устроила природа.

История поставила у дверей двух стражей.

У «белой» двери стоит на страже эмир афганский.

В котором нет ничего таинственного.

— Просто продувная бестия.

У «жёлтой» двери на страже стоит таинственный далай-лама тибетский.

Официальный титул эмира:

— Высокий друг императора Индии, его высочество эмир афганский.

Менее официальный:

— Наш друг эмир.

Совсем не официальный:

— Наш друг эмир, чтоб чёрт его побрал!

Последний — самый распространённый в Индии.

Афганистан — это буфер между Россией и Англией.

— Только этот буфер из чистого золота! — находят в Индии.

«Наш друг эмир», со сметливостью азиата, отлично понимает все выгоды своего положения.

И как гоголевский судья:

— Пока идёт тяжба, травит зайцев на полях у того и у другого.

Этот азиат ведёт себя, как кокотка.

Он любит Англию, но...

— Не забывайте, что, в случае чего, я могу пойти и на другое содержание!

«Нашего друга» приходится то припугнуть, то приласкать.

Сегодня вести с ним войну, завтра — укреплять дружбу.

Война с ним обходится дорого. Мир — ещё дороже.

Он требует подарков.

— Ах, мне нужно быть хорошо укреплённым!

И вы посылаете ему пушки без твёрдой уверенности?

— Куда именно, «в случае чего», будут обращены дулом эти пушки: действительно на север или, может быть, и на юг?!

Отправка вооружений эмиру — операция из тех, которые «наводят на размышления».

— Вот приготовления к убийству, которые очень похожи на приготовления к самоубийству!

Эти слова приписывают лорду Робертсу.

— Иметь одного эмира — да. Что ж делать! Но иметь двух эмиров...

Англичанин говоривший со мной о Тибете, только свистнул.

Тибет, этот страж у «жёлтой» двери, был до сих пор немым стражем.

Он жил своей таинственной жизнью.

О нём было мало что известно.

Знали, что там живёт папа буддистского мира, далай-лама, и говорили, что ламы обыкновенно убивают далай-ламу, чтоб долго не засиживался на своём месте.

Весь мир, любящий чудесное, облетели рассказы о всемогуществе тибетских лам.

Они живут в монастырях на неприступных горах.

Когда ламе нужно беседовать с другим ламой, он не даёт себе труда ехать к нему, спускаться в глубокие трещины — долины, взбираться на отвесные обледенелые горы.

Он просто, силой своих таинственных знаний, вызывает к себе дух нужного ламы.

И они беседуют три, четыре дня — о делах своих монастырей.

Так на крыши монастырей стекались ламы и решали судьбы мира.

А испуганный и дрожащий буддистский мир посылал им туда, в Тибет, деньги.

Англичанам это было, конечно, в высокой степени всё равно.

Пусть ламы летают, а перепуганные верующие им платят за это воздухоплавание деньги.

Но вдруг ламы захотели действительно попробовать «решать судьбы мира».

Решили не летать. А просто поехать посольством в Россию.

— Они начали «кокетничать» с Россией!

Это произвело на Англию огромное впечатление:

— Новый эмир?!

И в эту минуту участь Тибета была решена.

— Действительно ли «жёлтая» дверь представляет для будущего, для предполагаемого завоевателя такие удобства...

— Как «белая», как западная? Конечно, нет. Это дверь, которая трудно отворяется. Переход через Тибет полон страшных трудностей. Но здесь труден переход. Там чрез западную, чрез «белую» дверь полно страшных трудностей вступление в Индию. Пройдя через «белую», западную, дверь, — покорив ли Афганистан, или войдя в дружбу с «нашим другом эмиром», — завоеватель наталкивается на магометанское население Индии. Мужественное, воинственное. Единственное, которое стоит чего-нибудь в Индии. Индусская Индия...

Насчёт индусской Индии существует сказка, сочинённая каким-то озлобленным патриотом-бабу, индусом-интеллигентом.

Она написана не без желчи и слёз, и её стоит привести.

Однажды к бедняку-индусу пришёл сам коллектор, — собственно, английский сборщик податей, но по правам — губернатор, — и сказал:

— Кришнасваминайди, с сегодняшнего дня ты свободен. Совсем свободен. Над тобой нет ни англичан ни даже раджи!

Индус молитвенно сложил руки:

— Благодарю, мастер! А скажите, кому ж я должен за эту свободу платить?

Коллектор даже рассердился:

— Экий бестолковый человек, если только можно назвать тебя человеком после этого! Пойми же ты: ни англичан ни раджи, — никого! Ты свободен!

И ушёл.

Кришнасваминайди остался в большом недоумении:

— Какой сердитый мастер! Ушёл, а самого главного и не объяснил. Кому ж я буду теперь платить?

Никто не являлся.

Но Кришнасваминайди был человек осторожный.

Он ел только самые плохие бананы, которые подгнили.

А всё, что получше, откладывал:

— Придут, — и заплачу.

Он пил только чуть-чуть молока и говорил жене:

— А из остального сделай творог или масло. Спросят, — и отдам.

Рис он ел с осторожностью.

Одну горсть ел, и четыре откладывал:

— Явятся, — пусть получают.

Но жена его, Лакчмиамаль, не была так благоразумна и осторожна, как Кришнасваминайди.

Когда он однажды ушёл очень далеко и очень надолго по делам, — возвращаясь, Кришнасваминайди увидал на дороге близ своего дома толстого и здорового мальчика.

Щёки готовы лопнуть.

— Кришнасваминайди диву дался:

— Ведь, вот, скажите, какие чудеса бывают! Какое поразительное сходство! Не будь этот мальчик такой толстый и здоровый, — всеми богами бы поклялся, что это Рама.

Он только что хотел спросить:

— Чей ты сын, мальчик?

Как толстый мальчик кинулся к нему:

— Отец! Отец!

И побежал к дому, крича:

— Отец! Отец пришёл!

Кришнасваминайди диву дался, — но сейчас же чуть на землю не упал от изумления.

На пороге его дома стояла чужая женщина.

Полная, красивая.

Рёбер не было видно. Ключицы не выдавались. Браслеты на руках и на ногах не болтались, как на палках.

— Что это за знатная чужеземка? — удивился Кришнасваминайди, — не иначе, как жена ростовщика!

Но знатная и полная женщина радостно улыбнулась, протянула руки и крикнула голосом его жены Лакчмиамали:

— Кришна!

У Кришнасваминайди совсем подкосились ноги.

Он сел на траву.

— Лакчми?!

Он заломил руки над головой:

— Сива-и-аннама! Бог Сива, помилуй нас! Кто-то сердится на меня за то, что я не плачу, и наказывает. Вот теперь я не узнал жены и детей. Дальше будет что-нибудь ещё хуже!

Когда жена изготовила ему хорошее кушанье, он спросил:

— Кто же сделал вас такими красивыми?

Лакчми засмеялась:

— Мы всё ели и ничего не откладывали!

Благоразумный и осторожный Кришнасваминайди покачал головой и обругал жену:

— Ай-ай-ай! Зачем ты это делала! А придут и спросят! Что с нами будет, глупая женщина?

И Кришнасваминайди снова завёл в доме порядок.

— Ел только самые мелкие и погнившие бананы, рис ел с осторожностью, молока пил в день горсточку. И детям и жене давал так же.

И радовался Кришнасваминайди.

Не прошло одного лунного месяца.

— Вот я снова вижу и свою жену и своих детей. Таких, каких я знаю. Посмотри, у детей все косточки пересчитать можно! А то бегают какие-то чужие толстяки!

И жене говорил, смеясь:

— Теперь тебя без страха обнимаю. Моя Лакчми. Мои косточки! А прежде со страхом обнимал. Всё мне казалось, что я у родни жену украл. Такая красавица!

И со вздохом добавил:

— А хорошо, всё-таки, быть раджей!

Всё, что собиралось с поля и в саду получше, откладывалось.

Но никто не приходил, и всё сохло и гнило.

Это беспокоило Кришнасваминайди.

— Что ж это мы? Живём и никому за это не платим. Знаешь что, Лакчми! Поставь-ка на ночь на траву кувшин с молоком. Может быть, приползёт кобра и выпьет. Будем хоть кобре за себя платить!

Но молоко на утро только скисло. Никто его не тронул.

Кришнасваминайди за голову схватился:

— И кобр-то даже у нас нет? Привяжи на ночь козлёнка к дереву, — может быть, хоть тигр придёт, съест! Хоть тигру заплатим!

Но и козлёнок утром оказался жив.

Кришнасваминайди совсем потерял голову:

— Все от нас отступились! Никто с нас получать не хочет!

Он чувствовал ужас.

Как вдруг около дома раздался детский крик, Лакчми прибежала сама не своя.

— Иди! Раме, — кокос с пальмы свалился, — голову разбил! Рама наш умирает!

Кришнасваминайди радостно вскочил:

— Вот кому платить нужно! Дереву! Не платили, оно и рассердилось! Ну, теперь я знаю, как его умиловать!

Он приказал Лакчми, чтоб она первым делом взлезла на дерево и все свои украшения повесила на листья:

— Ему не платили, оно и прогневалось!

С этих пор Кришнасваминайди ещё больше ввёл в доме благоразумия и воздержания.

Всё молоко выливали на землю около «дерева-хозяина». Тут же закапывали лучшие бананы:

— Пусть только на нас не сердится!

На землю же около дерева разбрасывали и рис. От этого под пальмой завелось такое множество муравьёв, что целыми ночами ни Кришнасваминайди, ни жена, ни дети не могли спать. Муравьи съедали всё: не только то, что было под деревом, но и в доме, последнее, что оставлял себе и семье Кришнасваминайди.

Он только кричал жене:

— Не гони их! Не гони! Что ж делать, нужно терпеть.

И со страхом показывал на грозное дерево:

— Оно завело! Его муравьи. Надо, значит, молчать.

А муравьёв разводилось всё больше и больше. Семья Кришны голодала. С дерева сорвался ещё один кокосовый орех и убил ещё одного ребёнка.

Кришнасваминайди плакал:

— Какое злобное дерево! Ещё обезьян завести вздумало! Явились откуда-то две обезьяны и на нём поселились. Теперь уж совсем нам есть нечего будет!

— Так ты бы взял и срубил дерево, — говорили ему.

Кришнасваминайди качал головой:

— Да! Хорошо это говорить! А кому я тогда платить буду за то, что живу?

Так, — говорит не без желчи и слёз индусский патриот-бабу, — рабство родит ещё нечто худшее, чем терпение:

— Потребность быть рабом.

Индусская Индия не помнит, не знает и потому не может себе представить такого времени, когда она кому-нибудь не принадлежала бы.

И ей в высшей степени безразлично, кому она принадлежит.

Там могут стучать чьи угодно мечи:

— Не тронь моих кругов!

Оставьте ей её религию, её касты, — и ей безразлично, кто её господин.

— Мусульманское население, которое встретится завоевателю, пришедшему чрез западную, «белую» дверь, — решит судьбу Индии.

Оно одно в Индии и сильно и воинственно. Сумеет завоеватель переманить его на свою сторону, — вся Индия взята. Индусская Индия без сопротивления отдаётся кому угодно. Останутся миллионы мусульманского населения Индии верными Англии, — дело завоевателя проиграно. Борьба с мужественным мусульманским народом, да ещё борьба в непривычном, убивающем климате, среди то пустынь, то холеры и чумы Пенджаба, — тут, почти наверное, могила каждой армии. Пройти к «жёлтой» двери, через Тибет, труднее. Но, пройдя через эту «жёлтую» дверь, завоеватель входит сразу в цветущие долины Ганга, в самую плодородную местность земного шара, в «индусскую Индию». И этому ножу на пути встречается масло. Первые народы, которые ему встречаются, это — народы Бенгалии. Пользующиеся славой величайших трусов даже среди индусов. Величайших предателей, готовых продать что угодно и отдаться кому угодно. К «жёлтой» двери пробраться трудно. Но тот, кто вошёл в неё, идёт по мягкому ковру из цветов, среди коленопреклонённых рабов.

Таково, по словам англичан, живущих в Индии, значение Тибета.

— Как война с Тибетом?

Англичанин в Индии на такой вопрос отвечает холодно и строго:

— Никакой войны нет. Есть экспедиция.

Индийские раджи, чтобы засвидетельствовать свою преданность Англии, наперерыв спешили предложить услуги.

Один предлагал своих сапёров, другой артиллерию, третий все свои войска для похода на Тибет.

Индийское правительство выдало всем похвальные листы.

Чувства, руководящие раджами, делают им честь. Вся английская нация с удовольствием узнаёт о высоких чувствах подданничества, которые воодушевляют индийских раджей.

Индийское правительство не замедлит довести до сведения высокого покровителя раджей его величества императора Индии о чувствах, проявленных раджами.

Индийское правительство никогда не сомневалось в этих чувствах. Оно уверено, что, если судьбе будет угодно послать испытание, все раджи исполнят свой долг и пошлют свои войска в ряды славных английских войск.

Но в данную минуту индийское правительство просит их успокоиться.

Никакой помощи ни с чьей стороны не нужно.

Ничего не происходит.

Никакой войны нет. Есть просто-напросто экспедиция.

Война имеет целью завоевание. Теперь ничего не завоёвывается.

Экспедиция имеет целью охрану британских интересов, нарушенных Тибетом.

Это только небольшая карательная экспедиция.

Больше ничего.

В Индии боятся слова:

— Война.

Ежегодно в Бомбее собирается общеиндийский съезд бабу, интеллигенции.

Это — парламент, лишённый всех прав.

Он обсуждает самые насущные вопросы страны, и его никто не слушает.

Ставит резолюции, которые ни для кого не обязательны.

Возбуждает ходатайства, которые кладутся под сукно.

Выражает протесты и порицания, на которые никто не обращает внимания.

Этот «платонический» парламент — всё, чего добилась индусская интеллигенция — бабу.

Он заставляет вспомнить о том быке, про которого рассказывал Бёрне.

Бык хотел свободы.

Он принялся долбить рогами стену своего стойла.

Сломил рога. Нажил страшные головные боли. Но «добился своего». Стена была пробита, бык мог высовывать голову.

И мычать на свободе.

Бабу «мычат на свободе».

В «платонической говорильне» говорят об всем свободно.

Без результатов?

Я приведу вам слова одного бабу:

— Раз вырвавшееся на свободу слово не пропадает. Оно путешествует, останавливается в головах. В одних, как в гостиницах, в других поселяется совсем. Заводит интрижки с живущими там мыслями. Соблазняет их. От него рождаются новые мысли. И оно заселяет мир, как заселяют его люди.

Смелые слова, которые говорятся в «платоническом парламенте», облетают страну, заставляют мысли индусов, сонные и неподвижные вот уже 4500 лет, шевелиться и просыпаться. Привыкшие быть побеждёнными, начинают прислушиваться:

— Что же, однако, делают с ними победители?

Главный козырь против английского произвола у «болтающих» бабу, это:

— Война.

Англия индийскими войсками и на индийские деньги ведёт войны, вовсе не нужные для Индии.

Мысль простая и понятная всему населению:

— В то время, когда мы здесь умираем с голоду, они ведут на наши деньги нужные только им войны.

Целые ряды голодовок, когда миллионы индусов умерли, буквально, голодной смертью, — грозили восстанием даже привыкших быть рабами индусов.

Бунты начинались.

Шевельнись тогда, в ту минуту «враг Англии», — в Индии, но только на этот раз по всей Индии, повторились бы ужасы 1857 года, — года восстания сипаев.

Почувствуй только индус, что Англия переживает трудный момент.

Кое-как, в крови утопив местные бунты, было решено впредь страховать население от голода.

Был основан фонд специально на случай неурожаев.

Этот фонд должен был в спокойное время идти на поднятие земледелия, проведение каналов, устройство орошения.

Это повлекло новые налоги, — а налоги и без того тяжки:

— Но зато вы не будете голодать.

Весь «голодный фонд» идёт исключительно на войны Англии.

И слово «война» — страшное слово в Индии.

Бабу крикнут:

— Опять ведут войну на деньги, на которые должны нас кормить!

И всякий индус, как бы он ни был невежествен, это поймёт. Это не трудно понять.

И поэтому слово «война» не произносится в Индии, как «верёвка» в доме повешенного.

Войны нет.

Только экспедиция.

На ряду с огромными «телеграммами об японских победах» индийские газеты печатают коротенькие — об «экспедиции».

— Экспедиция подвинулась ещё настолько-то миль. Произошла стычка. У нас убит один сипай, ранено двое. У тибетцев убито 300, ранено 500.

— У нас легко ранен один. У тибетцев убито 400.

— Наши потери: две убитых лошади, контужен один. У тибетцев убито 500.

Все понимают, что экспедиция бьёт беззащитных.

Иногда мелькнёт известие:

— Тибетцы напали на нашу почту. Почтальон убит.

Но сейчас же печатается и успокоение:

— Лейтенант такой-то с отрядом отправлен для наказания виновной деревни.

Целой уже деревни.

За круговой порукой.

На следующий день телеграмма сообщает:

— Наказание виновной деревни продолжается.

И наконец известие:

— Лейтенант со своим отрядом вернулся к главным силам.

Кончено.

Всякий отлично понимает, что это значит. Но никто не говорить.

Если, конечно, покорённый народ, — как в Австралии, — не «предназначен к полному истреблению», — англичане на следующий же день после покорения вводят в покорённой стране справедливость и порядок.

Они относятся с величайшим уважением к верованиям.

Устраивают правосудие, — лучшее в мире, английское, — действительно, равное для всех.

Личность неприкосновенна.

Собственность — тоже.

Никаких взяток и поборов, — налоги, конечно, не считаются.

Никому и никакой обиды.

Но до той минуты, пока страна не покорена, англичане не знают «сентиментальности».

Наиболее откровенные англичане сознаются:

— Мы даём все ужасы войны, но и все блага мира.

Два дня «наказание» деревни...

Англичане, родившиеся в Индии и от отцов слышавшие об усмирении сипаев в Канпуре:

— Когда на деревьях было больше людей, чем плодов!

Знают, что это такое.

Когда лорд Китченер издал свой знаменитый приказ, в котором разносил «генеральствующих генералов» и «спортсменов офицеров», — в газетах появились десятки злобных и раздражённых писем.

Все понимали, что это пишут под псевдонимами офицеры:

— Вместо того, чтоб называть британских офицеров бездельниками, лорд Китченер сделал бы лучше, став во главе экспедиции в Тибет. А то она длится слишком долго для престижа английской армии.

Но эти злобные письма встретили дружный отпор со стороны английского общества в Индии.

Газеты были переполнены протестами читателей:

— Гг. офицеры лучше продолжали бы играть в polo^[14] и крикет, чем рекомендовать главнокомандующему индийской армией стать во главе экспедиции. Гг. офицеры плохо понимают, что они делают, придавая экспедиции в глазах страны значение войны.

Тибет не заслужил Китченера.

Китченер, это — «легенда», во вкусе легенд о древних восточных завоевателях.

Одно имя «Китченер» должно уже повергать в ужас народ, на который он послан.

Китченер, это — пустыни, остающиеся там, где он прошёл.

Китченер, это — не только груды мужских, женских, детских тел.

Китченер убивает не только тело, но и душу.

Осквернитель могил и храмов.

Китченер вырыл из могилы тело Махди и бросил его в реку.

В тот день, когда прозвучит труба Гавриила и Аллах воссядет на горе Мориа судить живых, потому что в тот день все оживут, кто погребён.

Когда над пылающей огнём Иосафатовой долиной перекинут клинок гигантского кинжала, и по острию его перейдут все храбрые.

В тот день Пророк с тоскою будет искать в толпе храбрых храбрейшего — Махди.

Он не восстанет, потому что у него нет могилы.

Для него не будут звучать песни райских дев. Он не понесётся в охоте за бесчисленными ланями, наполняющими райские леса. Не отдохнёт под тенью деревьев, цветущих цветами невиданной красоты, в воздухе, наполненном их ароматом.

Как ночью сова, — с тоскливыми криками будет носиться над пустынной землёй его душа, тщетно отыскивая могилу, где погребено её тело.

И тысячи воплей будут вторить ей во мраке.

Это — вопли храбрых, побеждённых, убитых, тела которых лорд Китченер приказал разрубить надвое и зарыть в разных местах, чтоб они не могли встать из мёртвых даже в день суда Аллаха.

— Китченер, это — воин, за которым вырастают горы там, где их не было, текут реки, где было сухо, можно бежать там, где нельзя было пройти.

Горы трупов. Реки крови. Сравнённые с землёй селения.

Но и этого мало. Он изучает религию народа, против которого послан:

— Чтоб и в душу ударить кинжалом.

Сходят с ума не только от ужасов и зверств его солдат, но и от изощрённых кощунств, святотатств, богохульств.

Обезумевшим людям кажется, что настал конец вселенной. Что сами боги их лежат поверженными у ног Китченера. Бессильные, побеждённые, уничтоженные.

Так должно казаться. В этом «легенда» Китченера.

Тибет ещё не заслужил Китченера.

Это экспедиция.

— У нас убито две лошади, контужен один сипай. У них убито 400.

— У нас легко ранен один. У них убито 500.

Какая ж это война?

— Убит почтальон. Послан лейтенант для наказания виновной деревни.

— Наказание продолжается,

— Лейтенант возвратился к отряду.

Это карательная экспедиция. Обыкновенная карательная экспедиция.

Её цель?

На этот вопрос отлично ответил один из читателей в газете «Times of India».

Его письмо с похвалами было перепечатано всеми газетами Индии.

И эта формула может считаться принятой «англо-индийским» общественным мнением.

— Результатом экспедиции, конечно, не может быть лист бумаги, на котором сделано несколько каракуль,

Англичане отлично знают, чего стоят договоры, подписанные азиатами.

И с самого начала экспедиции ни для кого не оставалось сомнения, что Тибет фактически будет принадлежать Англии.

На «листе с каракулями» может быть написано что угодно.

Если бы Тибет обязался уплатить только один шиллинг контрибуции, — то оказалось бы, что шиллинг он заплатить не в состоянии.

И английская военная сила должна оставаться в Тибете:

— До исполнения договора.

Грозными облаками навис над Индией Непал.

Непал — Черногория Гималаев.

Во владении раджи Непальского Эверест — недостижимые скалы, глубокие пропасти-долины, болота, от которых поднимаются убивающие миазмы.

Непал принадлежит Англии.

Раджа Непал её вассал.

В 1857 году, по приказанию Нэна-Саиба, взбунтовавшиеся сипаи перебили в Канпуре английских солдат. Устроили избиение женщин и детей.

Восстание было подавлено.

— На деревьях людей было больше, чем плодов.

Сипаев расстреливали из пушек.

А сам вождь, главный виновник, человек, облитый английской кровью и слезами, имя которого проклинала вся Англия — бежал к радже Непала.

Англия потребовала у своего вассала:

— Выдать преступника немедленно.

«Вассал» ответил просто и кратко:

— Нет.

И в то время, как второстепенные виновники были «примерно казнены», — главный виновник преспокойно жил «в английских владениях» почётным гостем у «вассала».

Он умер тихо и мирно, от лихорадки, заразившись ею на охоте.

Потребовалось две войны, чтобы «вассал», раджа Непала, разрешил Англии иметь представителя при его дворе.

Но, кроме этого представителя, он и до сих пор запрещает въезд кому-нибудь из европейцев в его страну.

Так Непал «принадлежит» Англии.

Тяжёлым кошмаром над английской Индией висела картина.

На мирные, трусливые долины Ганга снежной лавиной движется с Гималаев двинутый вражеской рукой Тибет, толкающий вперёд союзный Непал.

А ущельем Брамапутры вливается в Бенгалию сверкающая река русских штыков.

И вдруг возможность зайти в тыл Непалу! Окружить его и стать

— Старой Англии везёт старое счастье! — говорил мне с довольной улыбкой в Индии англичанин, хорошо знающий местные дела, — ведь, надо же было, чтоб Тибет начал «кокетничать» с Россией, как раз перед той самой минутой, когда Россия схватилась с Японией. Какое счастливое совпадение обстоятельств! Какой случай сразу покончить с проклятым вопросом о Тибете. До тех пор, пока Тибет не в руках Англии, Индия ещё не совсем покорена. Мы ещё не можем быть совершенно спокойны за Индию.

И он радостно потирал руки.

— Ведь, надо же было выбрать Тибету такой момент для «кокетства». Старой Англии везёт старое счастье! За старую Англию!

- Британская Индия. Железнодорожная станция в Бомбее.
- Британская Индия. Общий костёр бедных.
- Британская Индия. Останки умерших голодной смертью.